

**Муниципальная информационная библиотечная система
МБ «Северная»**

**УЧЕНЫЕ ТОМСКА
Дайджест**

Томск, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Баженов Иван Кузьмич	4
Балакшин Сергей Александрович.....	5
Блинова Ольга Иосифовна.....	8
Волков Вениамин Тимофеевич	11
Гезехус Николай Александрович.....	14
Гюнтер Виктор Эдуардович	17
Ильин Ростислав Сергеевич	19
Карпов Сергей Петрович	23
Коробейников Александр Феофанович	24
Кузьмин Алексей Михайлович	26
Пашинский Виталий Глебович	28
Ревердатто Виктор Владимирович	31
Сапожников Василий Васильевич	32
Семенов Николай Николаевич	33
Танзыбаев Михаил Гаврилович	35
Тарасенко Феликс Петрович	36
Флоринский Василий Маркович.....	39
Чернощеков Константин Александрович	40
Шубин Николай Васильевич	42
Яблоков Дмитрий Дмитриевич	43
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	48

Томск с давних пор называют Сибирскими Афинами, с легкой руки М. Флера, опубликовавшего в год 300-летия Томска одноименный очерк в альманахе «Живописная Россия». Принято связывать это название города с открытием в 1888 году Томского университета – первого в Сибири и азиатской части континента. В подготовке к открытию девятого в России Сибирского университета приняли участие многие выдающиеся деятели и ученые – В. М. Флоринский, Д. И. Менделеев, графы А. Г. и С. Г. Строгановы, П. И. Макушин, Баженов И. К. и другие.

Открытие университета привлекло многих авторитетных ученых, для которых Томск стал счастливым местом, где они смогли реализовать свои таланты и навсегда вошли в историю не только Томска, но и России как выдающиеся ученые, общественные и культурные деятели.

Наш дайджест познакомит с биографиями двадцати ученых, чьи жизнь и деятельность связаны с Томском.

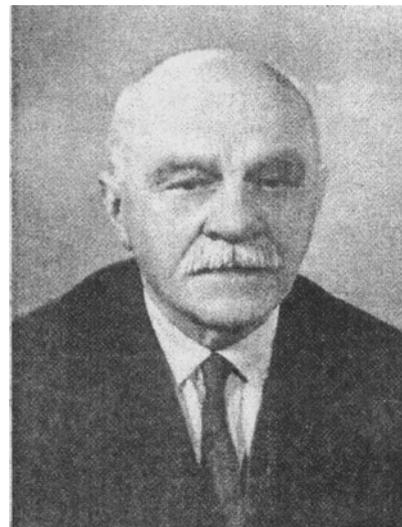
Одним из них является ученый-физик Б. П. Вейнберг, вошедший в историю мировой науки и техники, как создатель крупнейшей школы физики твердого тела и исследователь магнитного поля Земли. Здесь, в Томске, под его руководством в 1912-1914 г.г. создана первая в мире экспериментальная установка электрической железной дороги на магнитной подушке. В аэротехническом кружке был построен первый российский планер с амортизаторами, способными поднять в воздух двух человек, из этого кружка впоследствии поднимутся в большое пространство отечественного авиастроения и во многом определят его судьбу Н. И. Камов, Л. И. Валединский, В. Н. Гутовский. Среди учеников томского физика были выдающийся российский геолог А. Е. Ферсман, нобелевский лауреат Н. Н. Семенов, В. Д. Кузнецов, с которым связана целая эпоха в развитии физической науки в Томске. Одним из тех, кто своей удивительной научной судьбой связал затерянный в безбрежных таежных пространствах Томск с мировым научным сообществом, был В. В. Сапожников.

Много лет в Томске работал известный на всю Россию академик Яблоков – выдающийся клиницист, основоположник сибирской терапевтической школы, который стал для многих поколений врачей ярким примером беззаветного, святого отношения к долгу.

Дайджест составлен на основе публикаций местной периодической печати и рекомендован учащимся, студентам и всем, кто интересуется историей науки г. Томска.

Баженов Иван Кузьмич

Иван Кузьмич Баженов был одним из старейших профессоров прославленного Томского госуниверситета. Он прожил более девяноста лет, и вся его трудовая деятельность после окончания технологического института (ныне политехнического университета) связана с ТГУ, где он прошел путь от начинающего преподавателя до доктора геолого-минералогических наук, заведующего кафедрой на геологическом факультете.

Жизнь Баженова походит на приключенческий роман. Сын простого крестьянина, он с раннего детства трудился, экстерном окончил коммерческое училище и отправился зарабатывать деньги, чтобы продолжить образование. Плавал матросом на кораблях торгового флота, во многих странах побывал, многое повидал и узнал. Когда был свободен от вахты, занимался самообразованием. Благо, загодя набирал с собой в очередной рейс необходимые книги.

Скопив определенную сумму денег, Иван Баженов поступил в Петербургский горный институт, решив стать геологом. Дела в институте шли хорошо, и уже недалек был тот час, когда предстояло защищать диплом. Но случилось непредвиденное: в начале 1918 года студента Баженова направили на прохождение практики в Сибирь - тут его и застала гражданская война. Фронт отрезал Сибирь от Петрограда, и вернуться в институт Баженов не смог. Тогда он поступает на горный факультет Томского технологического института, учебу совмещает с работой, а после блестящего окончания вуза поступает на службу в госуниверситет, где только что открыли геологическую специальность.

С тех пор вся жизнь Ивана Кузьмича связана с преподаванием, научной деятельностью и практической работой в Сибгеолкоме (впоследствии Сибирское отделение геологического комитета). Он открыл много месторождений полезных ископаемых; а за два особо крупных и ценных удостоен звания первооткрывателя и награжден соответствующими знаками. На открытых Баженовым месторождениях построены города, и один из них носит его имя.

Иван Кузьмич вырастил четырех сыновей. Все учились на геологическом факультете ТПУ, но геологами стали только трое. Четвертый, Павел, ушел на войну, а по ее окончании поступил в военную академию и навсегда остался в армии. Генерал-полковник Павел Иванович Баженов ныне на пенсии и живет в Москве. В середине шестидесятых годов он работал советником у президента Египта Насера. В то же время его брат Александр, профессор геологии, преподавал в университете Алжира, а брат Владимир обучал студентов в университете Гвинеи. Самый младший брат Михаил был главным геологом одной из очень важных экспедиций. Два внука Ивана Кузьмича и один правнук тоже стали геологами. Род Баженовых внес огромный вклад в изучение недр Сибири.

Такие люди, как профессор Баженов, создавали историю Томского государственного университета.

**Игорь ЛОЗОВСКИЙ.
Профессор Баженов – гордость ТГУ
\\ Томский вестник.-1998.- 9 сентября**

Балакшин Сергей Александрович

«Деньги потерять - наивно потерять, честь потерять - явно потерять, дух потерять - яде потерять». Этому девизу до конца своей жизни следовая томский профессор, первый гидроэнергетик Сибири, организатор, мукомольного производства Сергей Балакшин. Скончавшийся в Томске ровно 60 лет назад и похороненный на Преображенском кладбище (где позже разместили завод матмашин), до недавнего времени практически не упоминаемый в истории науки и техники, Балакшин подлежал забвению неблагодарных потомков, если бы не его труды и дети, особенно младший сын Александр.

Две дочери и два сына Балакшина - все окончили томские вузы и все впоследствии работали в Москве. Я не застал в живых старшего - Бориса Сергеевича, профессора станкостроительного института, заслуженного деятеля науки и техники. С остальными встречался, а с младшим сыном мы стали друзьями. На два юбилея - университета и его многотиражки - Александр Сергеевич приезжал в Томск с тем, чтобы заодно рассказать, а главное вспомнить и показать все связанное с делами отца и его собственными радионачинаниями. Очень сокрушался, что не сохранились ни Преображенское кладбище, ни могила отца. Мне тогда, в восьмидесятых, и утешить его было нечем. Кто мог подумать, что политехнический возьмется - и ему позволят - провести работы по восстановлению памяти погребенных в Предтеченском монастыре и на прилегающем к нему Преображенском кладбище могил томских профессоров

ПОЗЫВНЫЕ РАДИОПИОНЕРА

-Как? Вы тот самый легендарный Балакшин?

Казалось, удивлению импозантного доцента Ульянинского ветерана радиотехники, нет предела. Он встал со своего места в зале и задал вопрос, прервав докладчика. Шла научная конференция в Горьком. Вступавший – крепкий седой человек с крупными и в тоже время мягкими чертами лица неторопливо рассказывал, как в середине двадцатых, будучи томским студентом, он встречался с руководителем Нижегородской радиолaborатории Бонч-Бруевичем и как затем около четырех лет шло круглосуточное исследование распространения коротких волн в треугольнике Нижний Новгород -Ташкент - Томск.

Неторопливое повествование захватило аудиторию. Перед нами выступал участник знаменитых радиособытий. Когда он перешел к сообщению о первых шагах томский радиолюбителей и, не в силах сдержать волнения, произнес приятным, немного глуховатым голосом: «Говорит РК 33 Александр Балакшин», то эти позывные его любительской радиостанции конца двадцатых были «автоматически» приняты старым радиолюбителем Ульянинским, и солидный доцент неожиданно выказал свою эмоциональность.

Не надо удивляться. Во второй половине двадцатых имя томского радиолюбителя Александра Балакшина было широко известно в стране и за рубежом.

Впервые мне о нем рассказал профессор Александр Борисович Сапожников, сам участник первых в Томске радиодел:

- Первый, причем весьма квалифицированный, радиолюбитель Сибири, затем крупный специалист в области усилительных устройств звукового кино. Да напишите ему в Москву и расспросите о чем надо. Он пренебреженно ответит.

Написать «в двадцатые годы» и узнать историю радио в Сибири из первых рук -

разве можно было упустить такую возможность!

И точно, Александр Сергеевич обстоятельно ответил на все мои вопросы, живо интересовался, как идут дела в его родном университете. Из ответов Балакшина постепенно составила обстоятельная картина радиодел и начинаний в Сибири, неизменным участником, а то и инициатором которых выступал он сам.

У ИСТОКОВ ГИДРОЭНЕРГЕТИКИ В СИБИРИ

Встретив в Сибирской советской энциклопедии две небольшие статьи о Балакшинах, я - на всякий случай - поинтересовался у Александра Сергеевича, не доводятся ли они ему дальними родственниками. «Доводятся, - не переставая удивлять меня ответил Балакшин, - только не-дальними, а самыми близкими. Это мой отец и дед».

Оказалось, он принадлежит к старинному сибирскому роду, в котором из поколения в поколение передавался рассказ о дружбе ялutorовского купца Балакшина с жившими в отдаленном местечке на реке Тобол декабристами. Выяснилось ко всему прочему, что Александр Сергеевич давно и настойчиво пробивает стену непонимания и несправедливого отношения к Балакшиным в их родном городе Кургане. Главные причины несправедливости - непоколебимый классовый подход к истории и односторонне пристрастная оценка, сделанная в «художественной» книге местного писателя. Не утруждая себя более или менее объективным анализом, тот свел все к тому, что купец, деятель буржуазной кооперации или заводоладелец не заслуживают сколько-нибудь значительного уважения, потому как эксплуататоры и есть эксплуататоры и ничего более. А коли так, то можно приписать купеческой семье любые грехи, какие только за купцами могут числиться. Что, к примеру, из того, что Балакшины принципиально отвергли спиртное, фамилия-то в романе изменена, так пусть на романических страницах покуражатся и попьанствуют для полноты разоблачения их классовой сущности.

В Кургане хорошо понимали, о ком речь, а в итоге история первого российского завода гидротурбин замалчивала имя и деятельность своего создателя. Дальше - больше. Первым российским гидроэнергетиком признавался не курганец Сергей Балакшин (будущий томский профессор, похороненный на Преображенском кладбище), а совсем другой, начавший позже, но с более удачливой судьбой в науке. А если шире смотреть, то что получается? В одном случае - «сиволапая» Русь, а в другом - в Зауралье - в начале века работал пускай небольшой, но все же завод, который производил оригинальные турбины для мельниц.

Шутка сказать, турбины курганского конструктора Сергея Балакшина, квалифицированного инженера, заводоладельца, были удостоены высоких наград всемирных выставок: золотой медали «Гран При» в Марселе в 1908-м и серебряной в Стокгольме в том же году, а также золотой медали первой Всероссийской выставки в Петербурге в 1909-м и большой золотой медали Западносибирской сельскохозяйственной выставки в Омске в 1911-м.

И такого человека забыли и в Кургане, и в Томске. Да еще возвели напраслину. А помните девиз Сергея Балакшина: «Честь потерять - много потерять».

Александр Балакшин восстановил историю отцовского турбинного завода, начинавшегося в 1900-м с мастерской по изготовлению оборудования для маслoбойных заводов. Балакшину - сыну удалось отыскать целый ряд интереснейших документов о деятельности отца. Выяснилось, что балакшинские чертежи легли в основу первых советских гидротурбин, в самом начале двадцатых Сергей Балакшин возглавил созданный им в Томске Сибисполвод - Бюро по исследованию и использованию водных сил Сибири. Исходя из полученных в ряде своих экспедиций данных, Бюро разработало план строительства гидроэлектростанций на наиболее перспективных сибирских реках.

Обнаружив в этих планах далеких двадцатых годов Иркут, Енисей и ангарские пороги, в разговоре с Александром Сергеевичем (мы виделись с ним много раз) я как-то посетовал: вон, мол, что из этого вышло... На что Балакшин - сын сердито сказал: отец не заставлял дураков Богу молиться...

Значение трудов Сергея Балакшина стало мне особенно понятно, когда в Научной

библиотеке Томского университета я отыскал его книгу с автографом: «При сем прилагаю для библиотеки университета мой труд: «Запас водных сил Сибири» (кадастр). Инж. С. Балакшин. г. Томск 21 сентября 1922г.». Труд оказался выдающимся: в нем - теоретическое обоснование применения водной энергии Сибири. Известно, что, как высокоавторитетный специалист, Балакшин участвовал в составлении генерального плана электрификации Сибири.

Последние годы жизни Сергей Александрович работал профессором Томского мукомольного института, и его коллеги написали в некрологе, что в двадцать первом он организовал в Томском технологическом институте мукомольную специальность, принял на себя чтение основных курсов и не покидал этой работы в Томске до конца своих дней.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА

В семьдесят седьмом исполнялось сто лет со дня рождения пионера российского гидротурбиностроения Балакшина. Увы, никто в стране не собирался официально эту дату отмечать.

Хотите верьте, хотите нет, но мы с Александром Сергеевичем порушили несправедливость. Пусть негромко, но юбилей в Томске отметили. Александр Сергеевич выслал мне ряд фотокопий, часть материалов я разыскал в госархиве в Научной библиотеке и с ними заявился к директору библиотеки Музе Павловне Серебряковой, предложив устроить юбилейную выставку из книг и фотодокументов. Муза Павловна согласилась. Опубликовать статью в университетской многотиражке; где я был членом общественной редакции, большого труда не стоило.

В те годы я нередко печатался в «Красном знамени» и предложил редакции статью о гидроэнергетике Балакшине. Статья изобиловала ссылками на документы, но заведомо хорошо знал дело и на всякий случай отправил за профессорской рецензией к моему руководителю. Мария Ермолаевна Плотникова не из робкого десятка, и основательная рецензия не заставила себя ждать.

Лиха беда - начало. Заполучив газету с моей статьей, Александр Сергеевич присовокупил к ней кипу документов и вместе с сестрой предпринял поездку на родину. Там их тепло встретили на заводе «Кургансельмаш», том самом, что начинался со скромной балакшинской мастерской маслобойного оборудования.

- Что же вы не обнародовали такие документы раньше? - делали круглые глаза в курганском обкоме партии. - Это же в корне меняет дело!

Уральские краеведы поспешили внести поправки. Заводская многотиражка «Кургансельмашевец» срочно предприняла исторический экскурс в начало века, когда Сергей Балакшин первым на обширной и богатой территории Зауралья и Сибири основал завод по выпуску водяных турбин. Ей вторила областная курганская газета «Советское Зауралье»: «Сконструированные талантливым инженером и изготовленные курганскими рабочими турбины пользовались мировой известностью и спросом». Как будто в Кургане не знали многого раньше!

Справедливость восторжествовала.

-Я никогда не терял надежды, что честь Балакшиных будет восстановлена. История должна стремиться к истине, - уверял меня Александр Сергеевич. Меня тоже учили этому в университете, и я был несказанно рад, что все так удачно вышло.

Александр Сергеевич с удвоенной энергией принялся разыскивать исторические документы и изготавливать макеты турбин по проектам отца. Прислал он один такой и в Томский краеведческий музей, можете справиться.

Предстояло ему восстановить и честь деда Александра Николаевича Балакшина, организатора и председателя Сибирского союза маслодельных артелей. Замолчать имя и дела выдающегося сибирского кооператора было, конечно, невозможно, другое дело, как они подавались. Должен сказать, восстановление чести «дедушки Балакшина» (так его называли в старину не только в кругу семьи) еще впереди.

Будучи крепок духом и памятуя, что не случайно приходится тезкой Пушкину, Александр Сергеевич успел подготовить к изданию книгу об отце. Она вышла в 1991-м в

Москве, в издательстве «Наука», в биографической серии и называется очень просто: «С. А. Балакшин».

Большого Александр Сергеевич не успел. Томичи перед ним самим в долгу. Радио в Томске и в Сибири делало первые шаги с его помощью, в том числе и радиовещание. На доме по Большой Садовой, где жили Балакшины (сейчас Ленина, 61), стояла первая в Сибири радиоловительская антенна. В двадцать четвертом Александр Балакшин создал кружок радиоловителей в родном политехникуме (он располагался в здании бывшего томского коммерческого училища на Соляной, ныне это «красный» корпус строительной академии) и построил здесь опытную радиовещательную станцию. Всего не перечислить. Несколько статей о моем друге Александре Балакшине я опубликовал. Статьи, однако, не книга...

Заботами о восстановлении чести и доброго имени отца и деда Александр Сергеевич преподнес нам урок.

Память потерять - ой, как много потерять. Так может, и весь дух улетучиться.

Виктор НИЛОВ.

История должна стремиться к истине
\\ Томский вестник.- 1993 .- 16 июля. С. 6

Блинова Ольга Иосифовна

Ольга Иосифовна Блинова родилась в селе Бороковка Кемеровской области. Детство прошло в Омске. Среднюю школу окончила в Ленинске - Кузнецком с серебряной медалью. В 48-м году поступила в Томский государственный университет на историко-филологический факультет. Через год после окончания университета, в 54-м, поступила в аспирантуру. Кандидатскую диссертацию защитила в 62-м. Степень доктора филологических наук получила в 75-м году.

Профессор Блинова - основоположник мотивологии, нового научного направления в языкознании. Автор и редактор нескольких диалектных словарей Среднего Приобья. За составление словарей вместе со своими коллегами выдвинута на соискание Госпремии РФ. В 93-м стала членом-корреспондентом Международной академии наук высшей школы. В 95-м году Ольге Блиновой присвоено звание "Заслуженный деятель науки Российской Федерации".

В конце сентября, незадолго до нашей встречи, Ольгу Иосифовну торжественно и сердечно поздравляли коллеги-филологи с вручением ей знака "Заслуженный деятель науки России". Медаль, отчеканенная еще в социалистическом государстве, сохранила следы того времени - серп и молот, и пятибуквенную, аббревиатуру: РСФСР. Зато на обложке удостоверения красуется двуглавый орел.

Отзвуки прошлого, веяния нового... Не так ли и в языке - вчерашний день живет в сегодняшнем? Наша беседа с профессором Блиновой была посвящена "великому и могучему русскому языку", разгадыванию тайн которого моя собеседница посвятила свою жизнь.

У СЛОВА, КАК У ЧЕЛОВЕКА, СВОЯ СУДЬБА

Марлен Дитрих, мировая кинозвезда, написала книгу "Азбука моей жизни", где все и всех расписала от А до Я. Если бы вы составляли подобную азбуку своей жизни, то какие слова или понятия - включили вы обязательно, и какая словарная статья была бы первой?

- По значимости, а не по алфавиту, в первую очередь включила бы "ДОБРО".

Непрерывно с него начала бы, потому что без добра нет жизни, нет настоящих, порядочных людей, и вообще ничего самого лучшего на этой земле не бывает без добрых чувств и отношений.

Во вторую очередь шла бы "ЛЮБОВЬ". Женщина и любовь - это близнецы-сестры. Любовь может быть разной: к детям и к работе, к мужчине и к своим ученикам. Но прежде всего любовь к жизни, потому что без желания жить и получать от жизни все, что она дарит хорошего, и самой вносить в нее это хорошее, - невозможно. И конечно, любить то, что дает нам природа: запах реки и хлеба, цветы и животных, одним словом все, что есть вокруг нас. Я всегда была счастлива в любви. Была и есть. У меня двое взрослых детей, есть внуки и правнучка.

. За "ДОБРОМ", "ЛЮБОВЬЮ" по логике должны следовать "ВЕРА" и "НАДЕЖДА"...

- Да, "ВЕРУ" тоже непременно бы включила в азбуку. Я очень доверчивый человек, и поэтому, наверное, нередко становлюсь "жертвой" дружеских шуток и розыгрышей. Поскольку по натуре оптимист, то всегда верю, что все будет хорошо, что из разных возможных вариантов жизнь выберет лучший.

Без "НАДЕЖДЫ" жить тоже нельзя. Особенно сейчас, когда так трудно. Когда люди, которые хотели посвятить себя науке, начинают заниматься совсем другой деятельностью...

- Какие чувства для вас слились в слове "УНИВЕРСИТЕТ", и какие события в судьбе оно определило?

- О Томском университете я услышала еще будучи школьницей; к нам в город приезжала Лидия Палладиевна Сергиевская и рассказывала об университете, о гербарии, ботаническом саде. Тогда мне казалось, что поступить в него - недостижимо. Но серебряная медаль, с которой я окончила школу, давала мне возможность стать студенткой ТГУ без экзаменов. Когда я приехала в Томск, то долго не могла подойти к университету. Сидела на скамеечке и смотрела на белоснежное здание. У меня до сих пор сохранилось то трепетное отношение к нему. Университет моей юности - это не только лекции и научные экспедиции, друзья и учителя, но и спорт. Будучи студенткой, я занималась спортивной гимнастикой по первому разряду, входила в десятку лучших лыжниц университета, на первом курсе стала чемпионом университета по шахматам и факультета по стрельбе. Вообще Томский университет обеспечил мне полноту жизни.

- Когда понятие "НАУКА" вплотную вошло в вашу жизнь?

- Пожалуй, на первом курсе. Хотя тогда и не думала, что всю жизнь буду заниматься научной деятельностью. Но случилось так, что после первого курса оказалась совсем без денег, и поэтому отправилась в финансируемую диалектологическую экспедицию, которой руководила Анна Алексеевна Скворцова, первая заведующая кафедрой русского языка. Собранные материалы легли в основу моего первого доклада, с которым я выступила на научной студенческой конференции. Выступление получилось удачным, и это меня вдохновило. Основательно наукой занялась уже в аспирантуре. Кандидатскую диссертацию писала на диалектном материале. Собирала его в экспедициях, в которые ездили уже всей семьей, потому что к тому времени у меня росли дочь и сын.

Но никогда наука не была единственной сферой деятельности, она всегда сочеталась с преподаванием. Мне кажется, это прекрасное сочетание. То, что ты сам находишь, можешь передавать другим, можешь увлекать других, заражать их любовью к языку. В свое время (тогда еще не была доктором наук) я отказалась от престижного места в Ленинградском институте русского языка. Просто представила на миг, что не веду занятия, не встречаюсь со студентами, и не поехала никуда.

- В какой-то мере упоминанием о первой научной экспедиции вы предвосхитили, мой вопрос: что бы вы написали в словарной статье "ЭКСПЕДИЦИЯ"?

- Материал для статей и докладов собирала в селах Томской области. Из деревни в деревню прошла пешком. Но не сбор диалектов привлекал меня сначала, а встречи, знакомства с людьми.

А потом мне уже понравился диалектологический поиск. Многих слов я просто не знала, никогда не встречалась с понятиями, которые они обозначали. Например, из лексики рыболовного промысла. Хотя в детстве я много рыбачила и, даже будучи замужем, не забывала этого занятия. Взять слово "чердак" - оно обозначает огромную ловушку, или "атарма" - тоже из разряда рыболовных приспособлений, как и само слово тюркского происхождения. Подобных слов и понятий из экспедиций мы привозили пригоршнями. Хотя политика у нас проводилась на уничтожение крестьянского языка, но его нельзя заменить литературным, потому что в последнем нет многих понятий и названий, отражающих жизнь деревни, народную культуру.

ВСЕЛЕННАЯ В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ

- Выступая нынче на духовно-исторических чтениях, вы процитировали Анатоля Франса: "Словари - это вся вселенная в алфавитном порядке". С чего и как началась ваша работа по составлению диалектных словарей?

- Задачу - составить словарь сибирских старожильческих говоров Среднего Приобья - поставила еще Анна Алексеевна Скворцова. Но потом уехала, а ее идею подхватила Вера Владимировна Палагина, мой научный руководитель.

Первый трехтомный диалектный словарь составляли впятером, под руководством Палагиной. А дополнение к трехтомнику редактировали уже мы с Верой Владимировной вдвоем, среди составителей были и мои аспиранты. Представляете, какое огромное количество слов мы перелопатили: в основном трехтомнике содержится семь тысяч слов, а в дополнительном двухтомнике - девять. Около ста тысяч народных слов и выражений мы ввели в научный оборот.

После диалектного словаря мне пришла в голову идея создать словарь просторечий, он получился на две тысячи слов, больше таких словарей пока нет в России. Хотя слова, которые в него вошли, знает каждый горожанин, к примеру, «заморочка», "замириться", "заневеститься" и подобные. Кстати, один экземпляр мы подарили Валентину Распутину, он прислал ответ и благодарил: "Угодили так, что и передать трудно. Второй день с удовольствием листаю."

Когда готовила докторскую диссертацию, у меня возникла идея составления мотивационного диалектного словаря. Такого еще нет ни в отечественной, ни в мировой лексикографии. Особенность словаря в том, что он отражает мнение носителя диалекта о слове: почему именно таким звуковым комплексом назван предмет или определено понятие. Мы, например, не ожидали, что носители среднеобских диалектов дадут разные толкования слова "глухарь". Одни считали, что "глухарь", потому что становится глухим, когда токует, а другие - потому, что живет в глухих местах. Мы собрали эти толкования слов и издали словарь, а теперь возникло новое направление в лингвистике, целая теория и даже научная дисциплина...

- Родоначальником которой вы и являетесь.

- Возможно, это так. У каждого слова своя история происхождения, своя этимология, но с течением времени она забывается, у слова появляются новые связи, новое восприятие взаимообусловленности его звучания и значения, то есть его мотивация. Возьмем давно известную "копейку". Специалисты знают, что слово произошло от "копья": на мелкой монете был изображен всадник с копьем. Но когда мы опрашивали людей, то многие отвечали, что копейка от "копить". "Копейка рубль бережет". Выходит, у каждого слова своя судьба. Слово, как человек. Сначала одна сторона в нем проявляется, потом другая...

ГЛУБОКИЕ ТАЙНЫ Л ЕЖАТ В ЯЗЫКЕ...

- Если принять за аксиому утверждение, что язык "есть духовное воплощение нации", что он отражает и культуру, и духовные ценности народа, то что тогда отражает наш современный язык, если у нас сплошь и рядом, письменно и устно, в литературе и в искусстве - "крутые", "деловые", "поганые менты" и "кидалы", "мочить" и "прикалываться"?

- Думаю, что язык справится с обилием жаргонизмов в речи. Борьба с ними просто

запретами невозможно, человек должен "переболеть" этим, должно пройти время. Но многое для очищения языка могут сделать журналисты, печатное слово, к которому у нас в народе большое почтение. То, что напечатано, нами воспринимается как норма, как закон.

- А как же тогда быть с ненормативной лексикой? Сейчас она уже звучит не только в обиходе, но и в театре, в кино, есть издания, которые позволяют себе публиковать матерные стихи...

- В январе этого года я была на международном симпозиуме в Москве. Там выступала заведующая словарным сектором Института русского языка, и она сказала, что готовится новый академический словарь, куда собираются вводить нецензурную лексику, апеллируя, к опыту зарубежных лексикографов, которые давно включили в словари подобные словечки. Я не могла промолчать и заявила, что готова стать на колени перед ней, только чтобы русские лексикографы не делали этого. Потому что менталитет нашего народа иначе сложен, мы привыкли доверять печатному слову: что написано, то правильно. А употребление мата на театральной сцене, по-моему, - это следствие недостатка культуры...

- Пожалуй, трудно найти человека, который в детстве бы не "грешил" словотворчеством, делая это легко и просто. Но, почему-то вырастая, мы начинаем говорить скучным, казенным, эмоционально обедненным языком. Что с нами происходит?

- У Корнея Чуковского есть замечательная книга "Живой как жизнь", где он говорит, что язык подвержен различным болезням, и одна из них - канцелярит. Когда люди приобщаются к деловому языку, к книжной разновидности языка, они начинают, иногда подсознательно, говорить так, как принято на письме. И исчезает непосредственность, непринужденность, живость, индивидуальность речи.

Диалектный язык не подвержен этой болезни. Речь старожиллов удивительно простая, без слов-паразитов, без книжных оборотов. В народном языке почти нет новых, заимствованных слов, носители его стараются заменять их более простыми понятными, с русскими корнями. Поэтому народный язык, который всегда стоит рядом с литературным, охраняет и питает его.

...Наш разговор перетекал от темы диалектов, которые собирает профессор Блинова вместе со своими учениками, к образцам русской словесности. Говорили об уважительном отношении Пушкина, Лескова, Паустовского к народной речи, о прелести медленного чтения, о спасительной силе русского языка, о кумирах, идеалах. Ольга Иосифовна вспоминала военное детство, и то, как она чуть не умерла от дистрофии в Омске во время войны.

В доме пахло яблками... Оказывается, в жизненном "словаре" Блиновой есть такие понятия, как "огород", "работа на земле". И нынче Ольга Иосифовна собрала богатый урожай яблок на своем участке. Об этом, совсем не профессорском, а скорее крестьянском, занятии, Ольга Иосифовна говорила с особой теплотой и поэтичностью.

Если бы профессор русского языка последовала примеру киноактрисы и написала свою "Азбуку жизни", то эта книга, уверена, стала бы не менее увлекательным и интересным чтением.

Татьяна ВЕСНИНА

Азбука жизни Ольги Блиновой

\\ Томский вестник.- 1995 года.- 19 октября.- С 4.

Волков Вениамин Тимофеевич

Человек, который хотел в Париж

Один из студентов дал ему смешное прозвище - Витамин. Намертво не приклеилось, но подошло точно. Не только потому, что созвучно его редкому имени Вениамин, и не

потому, что он врач. И то, и другое перевешивало нечто третье: какая-то неубывающая, переполняющая этого человека положительная энергия.

Энергия не дает покоя ни Вениамину, ни окружающим его людям. Он не идет, а стремительно летит по коридорам медуниверситета и, кажется, вопреки всем законам физики, способен появляться в разных местах одновременно. С ним можно встретиться сто раз на дню, можно долго и безуспешно искать, натываясь на неизменное: "Да только что был..."

По-моему, никто никогда не видел Вениамина в плохом настроении. Не то чтобы у научного сотрудника медицинского вуза не существует проблем: вероятно, он справляется с ними на бегу.

Ураганно врываясь в нашу маленькую многотиражную редакцию, он с порога приступает к делу: "Редакция!- радостно провозглашает Вениамин. - А вы знаете?.." Далее следует изложение новости (например, "Я послал письмо папе римскому, и он мне ответил. Ну, конечно, не он сам, канцелярия. Но ведь здорово, а? Портрет прислали. В кабинете повешу"). Или идеи ("Если опять не оплатят поездку на конференцию - уйду в Париж пешком. Я уже все подсчитал"). Но чаще Вениамин говорит о своих научных достижениях. Мы слушаем в пол-уха, не надеясь пробиться сквозь дебри медицинской терминологии. Вениамин замечает, спохватывается, спрашивает и о наших делах. Рассеянно выслушав ответ, пожимает плечами: "А что вы хотите? В стране дураков живем". И снова погружается в родную стихию пульмонологии, бронхиальной астмы, психологии...

Несмотря на свою активность, Вениамин как-то долго был "невъездным" сотрудником. Денег на научные командировки у СГМУ не было давно, но ученые каким-то образом выкручивались, добивались у руководства, находили спонсоров. Ездили.

Вениамин, не желавший никого ни о чем просить, прочно сидел в Томске. Он знал, где и какие конференции и конгрессы проводятся, на некоторые очень хотел попасть. Но не складывалось. Коронной шуткой было спросить его при встрече: "Ну, Вениамин Тимофеевич, куда вы на этот раз не едете?" Он отвечал, всегда улыбаясь, словно слышал шутку впервые.

Но вот однажды Волков пришел в редакцию, сказал: "Смотрите" и раскрыл над столом портфель. Посыпались разноцветные приглашения.

Его хотели видеть на конгрессах, посвященных заболеваниям легких в Италии, Англии, Франции (в том самом Париже...), где-то еще. Вениамин оставлял приглашения на память.

А спустя некоторое время, практически одна за другой, вышли в свет пять его книг. Все были замечены, имели резонанс. Четвертая, "Бронхиальная астма", сразу же стала бестселлером в научном мире.

В сентябре доцент кафедры пропедтерапии мед университета Вениамин Тимофеевич Волков защитил докторскую. Блестяще защитил.

"Случайные" открытия

Когда-то ассистент кафедры пропедтерапии Вениамин Волков обратил внимание на походку одной из своих больных. Женщина, страдающая бронхиальной астмой, шла, еле передвигая ноги.

- Вы задыхаетесь? - спросил ее Волков.

- Нет, - ответила та, - просто не чувствую мышц. Не чувствует? Но почему? Устала? Или здесь кроется что-то еще?

Поиск ответа Вениамин, занимавшийся в ту пору изучением потенциалов мышц, воспринял как свою научную цель.

Было это около двадцати лет назад.

Он обнаружил, что мышечная слабость свойственна всем больным бронхиальной астмой. Следующим шагом стало исследование креатина - ведь именно это вещество влияет на энергетический потенциал организма.

У первой же больной, обследованной после приступа, потеря креатина достигала чудовищной дозы – трех граммов. Объяснений этому феномену (многократно подтвержденному в дальнейшем) не было ни в собственной практике Волкова, ни в опыте коллег, ни в мировой литературе.

Вениамин продолжал исследования. Выяснилось, что во время приступа бронхиальной астмы креатин покидает клетки и накапливается в крови, в четыре раза превышая обычную норму, а потом "уходит" из организма.

Эксперименты на изолированных бронхах показали, что именно введение микромолярных доз креатина вызывает спазм, аллергическое воспаление и отек, свойственные острому приступу болезни.

Так Волков создал единственную в мире креатиновую модель бронхоспазма, проливающую свет на возникновение болезни. (Классическая концепция бронхиальной астмы предусматривает наличие в организме аллергена, но существует множество случаев заболевания, когда аллерген отсутствует. Эти-то случаи и объясняет креатиновая модель). Уточним сразу: в науке такие работы называются открытием.

"Случайным, - вставляет Волков, - случайным". В его изложении это так и выглядит: "случайно обратил внимание на больную", "вдруг обнаружил выделение креатина", потом "неожиданно" его чрезмерное накопление. Как будто кто-то специально все так для него подстроил. Хотя, возможно, окажись на его месте другой человек, ни о какой креатиновой модели еще и намека бы не было.

Дело в том, что исследования Вениамина Тимофеевича едва не закончились в самом начале - будучи ассистентом, он вынужден был оставить кафедру и девять лет проработать терапевтом в 7-й поликлинике. Был ли он тогда действительно в чем-то виноват или просто "не вписался" в привычный коллективный портрет молодых ученых, доставляя заведующему лишние хлопоты? Не знаю.

Но хотя мединститут и "избавился" от своего ассистента, сам-то Вениамин от науки избавиться не мог. И продолжал думать про креатин, выписывая рецепты и направления нескончаемому потоку научных сотрудников, прикрепленных к его поликлинике. Мысли требовали экспериментальной проверки, и лабораторией Волкова стал весь Томск, точнее, его вузы и НИИ. Через своих пациентов он получил доступ к аппаратуре, о которой в мединституте могли только мечтать.

Работая в поликлинике, Вениамин Тимофеевич делает еще одно открытие, описывая феномен нестабильности кальциевого гомеостаза. Он наблюдает переход ионизированного кальция, содержащегося в организме больных бронхиальной астмой, в кристаллы. Их накопление в дыхательных путях вызывает приступы удушья, образование пробок и тяжелую асфиксию.

После публикации данных врача-терапевта срочно вызывают в Москву, на сессию. Почти часовой доклад закончился дискуссией и предложением академика А.Г. Чучалина сотрудничать.

...И опять в рассказе Волкова мелькает слово "случайно", хотя именно с этого момента у него начинается складываться новая метаболическая концепция бронхиальной астмы.

"Бульдозер мысли"

В 85-м году Вениамина Тимофеевича Волкова деликатно вернули на кафедру пропедтерапии. Новый заведующий - профессор Федор Федорович Тетенев - обеспечил его исследованиям "зеленую улицу", следя за успехами и постепенно, но требовательно подталкивая к защите.

И вот защита состоялась; концепция была принята и одобрена ведущими пульмонологами на VI национальном конгрессе в Новосибирске. За ней признали

будущее.

Схема научного поиска была идеальна: открытие феномена - тщательное изучение - метаболическая коррекция. Волков провел эксперименты с глицином (веществом, понижающим чувствительность организма к креатину) и получил удивительные результаты. Глицин предупреждал развитие бронхоспазма в случаях, когда его вызывал креатин, улучшал бронхиальную проходимость.

Вениамин работал, не слишком задумываясь, что лично ему полагается по результатам этого труда.

- Мы имеем дело с удивительным научным бескорыстием, - сказал его оппонент по защите профессор СГМУ Юрий Аркадьевич Кулаков. - Он щедро публиковал результаты экспериментов, выводы, методики - 36 работ, - совершенно не заботясь о так называемом патентном поиске, о том, чтобы как-то зафиксировать приоритетность исследований. (Берите, кто хочет, пользуйтесь, продолжайте, развивайте!) Сейчас этим еще не поздно заняться, иначе в дальнейшем могут возникнуть проблемы с доказательством "первородства" его научных изысканий.

А ведь это человек, обладающий уникальным мозгом, "бульдозер мысли", способный усвоить, переработать и связать в единое целое огромное количество разрозненной информации. Вместе с тем его идеи являются как бы эмоциональной реакцией на происходящее. Он любопытен, открыт всему, что происходит вокруг.

Он так и науку делает - ахая и удивляясь.

И. ЕМАЛЕЕВА

«Случайные закономерности» Вениамина Волкова

\\ Красное знамя. - 1996 .- 24 октября

Гезехус Николай Александрович

На первом году жизни императорского Томского университета обязанности его редактора исполнял видный русский ученый доктор физики Николай Гезехус.

Отмечая его 150-летие (29 января или 17-го по старому стилю), мы говорим и о его большом и разнообразном вкладе в отечественную науку и о том, как нам дороги имена и дела первых профессоров Томского университета. В пределах нынешней России он уступает годами только трем - Московскому, Петербургскому и Казанскому. Ему предназначалась почетная миссия первого вуза на огромной российской территории на восток от Урала и Каспийского моря.

Вышло так, что упоминаемый и в энциклопедиях, и во многих специальных физических исследованиях Н. Гезехус как ученый и общественный деятель до сих пор толком не изучен. Можно даже сказать - без особой доли преувеличения – незаслуженно забыт.

Причин тому имеется несколько.

Историю отечественной науки, если подходить к этому делу всерьез, еще только предстоит создавать. Прежде этому мешали то недостаток средств, то идеологические препоны. Заниматься биографией Гезехуса мешало КГБ? Нет, что вы, все было гораздо проще.

Когда в середине семидесятых я пытался опубликовать о нем статьи, то наталкивался на преграды, пройти которые удалось далеко не сразу. В прессе лишь редактор университетской многотиражки Галина Чалдышева и редактор "Молодого ленинца" Александра Липская решились тогда на рискованный шаг. Обстоятельная, интересная статья И. Анохиной в "Красном знамени" от 17 января нынешнего года - первая работа о

Гезехусе в этой газете. Рекомендую вам ее для более подробного знакомства с физическими трудами Гезехуса.

В своих статьях о первом ректоре для газет и научных сборников я рассказывал о нем как об ученом, профессоре и редакторе, а меня спрашивали: как он относился к советской власти? Кто был по национальности? Почему это о нем нигде толком ничего значительного не написано? Почему в БСЭ указывается год смерти, а не точная дата? Не эмигрировал ли он? И как правильно произносится его фамилия? Раз был ректором, значит большой штатский генерал. Кто он - кадет, монархист, черносотенец. Такие вопросы были по тем временам вполне естественными.

Национальность в Российской империи в документах и личных делах не указывалась, только вероисповедание - у Гезехуса значилось "православный". Про национальность мне ничего не смогли сказать уцелевшие от репрессии тридцатых немногочисленные потомки. Его племянник, разысканный мной с помощью Ленинградского паспортного стола, рассказал, как правильно произносить фамилию: с ударением на втором слоге, в котором гласная звучит как "э".

Николай Александрович происходил из потомственной семьи российских военных моряков. Это был человек русской культуры, много для нее сделавший. Похоже, в царской России национальным отличиям придавали куда меньше значения, чем в советской, провозгласившей равенство и братство.

Точную дату и причину смерти мне удалось установить лишь после работы в ленинградских архивах: 2 сентября 1918-го. Умер проректор Петербургского технологического института Гезехус от истощения в голодном Петрограде. Никуда он не эмигрировал, был русским патриотом. В партиях Гезехус, судя по всему, ни в каких не состоял, человеком был аполитичным. Советскую власть вряд ли приветствовал, раз умер от истощения.

Вот по этому по всему о нем и мало до сих пор написано. Ко всему прочему, занимая физическую кафедру в специальном вузе, а не в университете, выполняя большую административную работу проректора, возглавляя Русское физико-химическое общество, долгие годы редактируя его научный журнал, Гезехус своей научной школы не создал, многочисленных последователей, тех, кто обычно хранит память об учителе, не имел.

Решение вопросов электризации трением и сфероидального состояния жидкости, последовательное рассмотрение электротепловых аналогий, установление законов упругого последействия каучука и акустических законов, объяснение светочувствительности селена, первое в России исследование по радиоактивности - все эти работы Гезехуса успешно содействовали развитию русской науки.

Но, выступая во многих исследованиях пионером и даже провидцем, какого-то крупного открытия мирового значения он не сделал. Его заслуги можно оценить, взвесив их по совокупности. Они выглядят весьма весомыми, а настоящая их оценка еще впереди.

Главная заслуга Гезехуса перед Томском не просто в том, что он был первым. За какой-то учебный год он успел заложить университетские основы, привить на томской почве фундаментальные традиции столичного университета.

Томский университет смогли открыть одним медицинским факультетом. Не из-за того, конечно, что устроители думали о будущем Сибирском медуниверситете. На другие факультеты, поначалу не нашлось средств. Их вполне могло не найтись и в дальнейшем, не соберись в новом российском университете деятельные профессора основополагающих университетских факультетов во главе с Гезехусом.

Кафедра, которую он занял сам, содержала в своем названии "физику с физической географией и метеорологией". В соответствии с этим первый ректор ее и обустроивал.

Он провел работу по организации Томского общества естествоиспытателей и врачей. Пополнил своим личным вкладом университетскую библиотеку, нынешнюю Научную. Этот список университетских заслуг Гезехуса легко продолжать и дальше, но, пожалуй, уместнее сказать об импульсе, который придало культурному развитию Сибири открытие университета. Профессора активно включились в общественную жизнь. Хороший

музыкант, в прошлом участник известного Беляевского квартета Николай Гезехус стал в Томске одним из директоров местного отделения императорского музыкального общества.

Гезехус покинул Томский университет после первого же учебного года. В архивных и литературных источниках встречается немало прямых и косвенных намеков на его конфликт с попечителем западносибирского учебного округа профессором Василием Флоринским.

Не вызывает сомнений: крупные ученые Сергей Коржинский и Александр Догель покинули Томский университет, в частности, оттого, что конфликтовали с Флоринским. Тот, к примеру, слишком рьяно проводил в жизнь формулу "православие, самодержавие, народность", а они были католиками.

В воспоминаниях академика А. Иоффе имеется упоминание о том, что у Гезехуса были серьезные нелады с сердцем из-за ректорства в Томском университете. Что тут сказать?

Весьма возможно, причина конфликта двух крупных ученых просто напросто в том, что Флоринский к тому времени имел слишком большой административный опыт, а у Гезехуса он почти отсутствовал: профессором он стал в Томском университете.

Правнук первого ректора московский генетик Илья Захаров в декабре прошлого года побывал в госуниверситете и в редакции «Томского вестника». Он выступил с инициативой учреждения Стипендии Гезехуса. Думаю, что она обязательно появится для студента-физика. А "Томский вестник", не дожидаясь такого решения, установил свою - для журналистского отделения, и третьекурсница Оксана Зайцева уже на нее назначена.

Почему мы выбрали журналиста?

Николай Гезехус долгие годы редактировал "Журнал Русского физико-химического общества". У него было хорошее перо и склонность к сочинительству. И свидетельством тому служат не только его многочисленные научные статьи, а и, скажем, с юмором написанный опус о том, как абитуриенты сдают экзамены. Если вы полистаете различные дореволюционные энциклопедические словари (в том числе Брокгауза и Ефрона), то без труда обнаружите, что многочисленные статьи по физике и ее истории написаны редактором физического отдела этих словарей Николаем Гезехусом.

А еще мы потому выбрали журналиста, что и власти, и общество уделяют прессе все меньше и меньше внимания. С властями понятно - независимая пресса им ни к чему. Общество, видимо, считает: выживает пресса до сих пор, выкрутится как-нибудь и дальше. Такая самонадеянность выйдет обществу боком.

Улица первого ректора... Нет такой в Томске? Если вы внимательно взгляните в историю, то увидите: она идет через весь город с Елани. С того самого времени, как приступил к исполнению обязанностей в императорском Томском университете профессор Николай Гезехус. Ее продолжали успешно строить замечательные ученые: томские ректоры Василий Сапожников. Михаил Курлов. Николай Карташов. Борис Токин. Александр Воробьев. Александр Данилов. Феликс Перегудов.

Не всегда различимые закономерности и явные случайности могут создавать такие хитросплетения, что их крайне трудно распутывать. А они, знай себе, существуют. Ведь это же факт, что ровно через восемьдесят лет после рождении Николая Гезехуса в Санкт-Петербурге - день в день 29 января, - в далеком Прибайкалье родился сельский мальчик Владимир Зуев. Ему суждено было поработать забойщиком на золотодобывающем прииске, стать сержантом на второй мировой, а затем отправиться учиться не куда-нибудь, а на улицу первого сибирского ректора, где и завершить успешно физфак Томского госуниверситета.

Благодаря неиссякаемой энергии и множеству талантов профессора, а ныне академика Зуева в "Сибирских Афинах", на месте бывших лесных дач купца Фуксмана вырастет новый город науки, и улица первого ректора естественно продолжится Академическим проспектом. Сегодня на этой улице многозначный праздник.

Праздник, правда, с грустинкой. В недавние времена и в материальном плане наука

жила получше, нынче же перебивается с хлеба на воду.

На улицу первого ректора нет-нет да залетают из Москвы слухи, что вузы могут быть приватизированы. Зачем же тогда столетие назад лучшие молодые профессора России съезжались в императорский Томский университет?

Государство, не уважающее образование и науку, не может вызывать симпатий у томичей.

Виктор НИЛОВ.

На улице первого редактора сегодня большой праздник

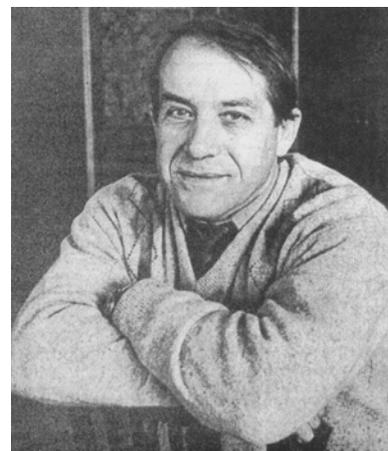
\\ Томский вестник.- 1995.- 31 января. С 2-6

Гюнтер Виктор Эдуардович

МНЕ СТОЛЬКО РАЗ ПРИХОДИЛОСЬ СЛЫШАТЬ ЕГО ФАМИЛИЮ, ЧТО В КОНЦЕ КОНЦОВ Я ПЕРЕСТАЛА УДИВЛЯТЬСЯ. ПРОСТО УСВОИЛ: БЕЗ УЧАСТИЯ ГЮНТЕРА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ БЫЛО БЫ СЕГОДНЯ МНОЖЕСТВА СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ МЕТОДИК.

Всюду Гюнтер...

Профессор медуниверситета Георгий Цыренович Данбаев - первый, кто продемонстрировал мне уникальные свойства металла с памятью формы. Вынув из холодильника какую-то проволочную спираль, он дал подержать ее в ладони: "Сожмите пальцы, пусть согреется... А теперь смотрите. Видите, она здесь стала шире. А нам это и нужно: ввести ее надо, пока она еще миниатюрная, а там, в ткани, она под действием температуры расширится, что нам и нужно... Мы используем массу таких приспособлений и конструкций".

Потом врач ОКБ Евгений Чаторов показывал, как с помощью приспособлений из этого же сплава – никелида титана - он делает операции по исправлению деформации позвоночника. Затем профессор Олег Алексеевич Ивченко, рассказывая об операциях на сосудах, вновь показывал что-то из металла "с памятью".

Удивительные конструкции разработали Павел Антонович Савченко и Виталий Яковлевич Лазарев для ортопедии. Тоже - из запоминающего форму металла...

В общем, с Гюнтером пора было знакомиться, а уловить его было почти невозможно: на завтра он уезжал в Китай, потом в Новосибирск. Еще одну встречу нам сорвали деловые представители Кореи, которые тоже крайне заинтересовались и сплавами, и Томским медико-инженерным центром, и его руководителем. Впрочем, для самого директора центра, доктора наук, члена нескольких академий и президента Международной академии имплантатов с памятью формы Виктора Эдуардовича Гюнтера этот ритм вполне привычный, им же самим и заданный. Чтобы побольше успеть.

Иначе разве можно было за двадцать лет столько всего натворить - в полном смысле этого слова? Не просто создать сверхэластичные сплавы с уникальными свойствами, но и успеть изобрести вместе со своим коллективом массу устройств и инструментов, с помощью которых хирурги в Томске, в России и за ее пределами делают сегодня удивительные операции. Создать новую, гигантскую не только по технической, медицинской, но и по своей философской сути сферу науки. Наверное, это нужно - строить межпланетные корабли из сверхпрочных металлов. Но кто скажет, что менее важно помочь человеку выжить? С помощью сплавов, разработанных в центре В. Гюнтера.

Чтобы сплав был эластичным

Оказывается, история самого эффекта памяти формы ведется в России еще с 1949 года. С этого и начал рассказ о работе Медико-инженерного центра Виктор Эдуардович:

- Правда, тогда ученые Г.В. Курдиомов и Л.Г. Хандрос, обнаружившие явление, назвали его просто - термоупругое равновесие при фазовых превращениях. Эффект заключался в том, что форма, заданная металлу при одной температуре, менялась при другой.

А название "Эффект памяти формы" придумали уже американцы, которые обнаружили данное явление лишь в 1963 году на коррозионно-стойком металле. Практическое применение эти замечательные свойства нашли, естественно, в авиации и космонавтике. И началась гонка в исследованиях. Большое финансирование на подобные разработки получил тогда и Сибирский физико-технический институт при ТГУ. Работали инженеры и ученые в тесном контакте с московскими институтами - металлургии, авиационных материалов, легких сплавов. Велись нормальные научно-исследовательские работы физико-технической направленности, в которые с 3 января 1976 года стал вносить лепту младший научный сотрудник Виктор Гюнтер.

А уже в следующем году его заинтересовали проблемы использования эффекта памяти формы в медицине.

- Почему? Просто я видел, как соединяют кости: довольно сложная, но похожая на столярную работа.

Видел и чувствовал, вернее, уже тогда знал, что делать это можно и тоньше, и пластичнее, и надежнее. Идея была увлекательной, но...

Что бы создать материал, пригодный для работы с живыми тканями, нужно было знать свойства этих тканей. И Гюнтер взялся - в свободное от основной работы время - изучать связки кости, каллогены. И посмотрел на них глазами физика, ведь живые ткани тоже обладают физическими свойствами. Изучал закономерности, строил графики. И установил для биологических систем закономерность - "закон запаздывания". Если при деформации металлов, например, действует линейный закон Гука (нагрузка прямо пропорционально связана с деформацией), то при деформации живой ткани картина совсем иная. Вначале она сопротивляется действию нагрузки, потом легко деформируется и ведет себя сверхэластично. При разгрузке напряжение, напротив, сначала легко снимается, а потом ткань сопротивляется снятию нагрузки. Вот этот "Закон запаздывания" и нужно было учитывать при создании материала, пригодного для имплантации в организм человека.

- Эффект памяти формы, конечно, красивый сам по себе, но он стал как бы дополнительным, поскольку не решал дела, если бы металл не обладал сверхэластичными свойствами, как живая ткань.

После тщательных и длительных изысканий "живые металлы" были созданы. Сплавы никеля, титана и молибдена. Оказалось, именно они обладают особенностями, позволяющими использовать их практически при любых хирургических операциях - как имплантаты, как инструмент.

Сегодня в кабинете Виктора Эдуардовича такое множество я такое разнообразие образцов "искусственной живой ткани", что не знаешь, на чем остановить взгляд. Вот этот имплантат имитирует костную ткань: под микроскопом пористая структура металла разбегается канальцами вширь и вглубь точно так же, как пористая структура трубчатой кости. А эта проницаемая пластина применяется, при челюстно-лицевых операциях. У нее такие же эластичные свойства, как у костной пластины. И она обладает способностью прорасти живой тканью. Поэтому многие операции, которые и не мыслились несколько лет назад, сегодня уверенно внедряются не только в томских клиниках, но и по всей России благодаря сплавам на основе никелида титана.

В России по этой тематике защищено более 20 докторских диссертаций и более 80 - кандидатских. Американцы, к примеру, которые тоже уже ведут подобные работы, не имеют таких результатов и отстают от нас на несколько лет. Они, кстати, и "тормозятся" сейчас на исследованиях по канцерогенности, которые давно проведены в России

- Мы с самого начала работали вместе с медиками. У нас многие применяют металлы с памятью формы на практике. В Томске это Г.Ц. Дамбаев, А.В. Староха, П.А. Савченко, О.А. Ивченко Г.С. Пахоменко, одними из первых заинтересовавшиеся оригинальным материалом, в Омске это известные И.И. Анисеня и А.Н. Горячев, в Новосибирске - П.Г. Сысолятин и В.А. Новиков, в Тюмени - Р.В. Зиганыпин, в Казани М.З.Миргазизов.

Еще в Тольятти в Чите, Санкт-Петербурге и Новокузнецке, Барнауле и Краснодаре.

Приоритет в мире - да. В России...

Пока российский приоритет в этой научно-практической сфере незыблем. На международных конференциях по использованию в медицине металлов с памятью формы, наибольший интерес вызывают доклады российских ученых. Пожалуй, темы докладов наших медиков привлекли бы внимание не только специалистов, но и дилетантов: "Новые технологии на основе сверхэластичных имплантатов с памятью формы в черепно-лицевой хирургии", "Исследование процессов прорастания костной ткани в поры имплантатов", "Двигательная реабилитация инвалидов с повреждением спинного мозга", "Протезирование дефектов позвоночника пористым никелидом титана". За каждой темой - не просто гигантские исследования, но и человеческие судьбы.

Девчонки, еще недавно ходившие боком из-за сильно перекошенных позвончиков, сегодня бегают на дискотеки и выходят замуж. Мужчины, оставившие было надежду когда-нибудь уверенно встать на ноги из-за остеомиелита, наконец, обретают нормальную походку. Женщины, страдающие варикозным расширением вен, впервые за много лет не ощущают изматывающие боли. Конечно, они знают фамилии оперирующего врача. И, скорее, всего совсем не знают, что сегодняшние операции - на таком уровне - возможны благодаря еще одному человеку, физика, двадцать лет назад решившему использовать интересные эффекты металлов в медицине. Который и докторскую диссертацию защищал "двойную" - технико-медицинскую...

Впрочем, ему не до таких "мелочей". Хватает и признания, и выгодных предложений из-за рубежа. Только Гюнтер их не принимает: они не соответствуют плану развития Медико-инженерного центра, которому действительно нужно не только выжить, но развиваться. Это и сегодня удивительное предприятие, где воплощаются технологии от получения сырья до изготовления готовых конструкций. Однако...

- Чего не хватает центру? Серьезного финансирования. Есть мировой приоритет, а дома - одна проблема, как у всех. Правда (принято уже решение дирекции и ученого совета СФТИ), со всем скоро Медико-инженерный центр примет иной статус - НИИ медицинских материалов с памятью формы при Сибирском физико-техническом институте. Только проблем от этого не уменьшится: без финансирования двигать науку сложно. А мысли и планы интересные есть. Мы вот сейчас изумительную нить разработали для накладывания швов. Только для нее надо придумать еще и иглу. Конечно, ее придумают. Может быть, решение подскажет очередной "закон запаздывания" или вон тот пластмассовый скелет на окне, воспроизведенный со всеми позвонками и дисками, который в кабинете Гюнтера совсем не кажется лишним.

Валентина ВАККЕР

«Живой» металл и «закон запаздывания»

\\ Красное знамя.- 1996.- 6 ноября.

Ильин Ростислав Сергеевич

Много лет назад, просматривая подшивку «Красного знамени» за 1932 год, я обратил внимание на статью с красноречивым заголовком: «Тезисы» геолога Ильина, или Как Ильин пытался опознать диалектический материализм». И дальше: «Ростислав Ильин в роли Евгения Дюринга». Это было характерное для той поры политическое обвинение.

Оно родило горькую мысль: вот еще одна вероятная жертва... В памяти задержались редкое имя — Ростислав и простая фамилия, похожая на отчество, — Ильин.

ГОД СПУСТЯ я встретил их в другой статье — на этот раз книжной. Затем еще и еще. Что-то рассказали мне томские профессора, знатоки города. Так постепенно, из отрывочных сведений начал складываться у меня образ действительно опального ученого, в значительной мере повлиявшего на мнение академика И. М. Губкина о том, что нефть в Сибири не просто есть, но есть в изобилии. Ильин, и никто другой, возглавил первую в 30-е годы нефтепоисковую экспедицию. Ее результаты он изложил в основополагающей статье «Об условиях нахождения нефти в Западно-Сибирской равнине» и других работах. Об этой стороне его деятельности я и написал в «Рассказах о Томске» (1984). Каково же мне было узнать несколько позже, что Р. С. Ильин, по словам академика В. И. Вернадского, — основатель одной из трех новых естественных наук — геоморфологии, которая до него была лишь описанием форм рельефа, что первые две — физиология человека и геохимия — связаны с именами И. П. Павлова и самого Вернадского.

Ныне появилось немало значительных публикаций, которые снимают с истории одноцветность, заданность прежних подходов, уводят, пусть частично, от голой политики к подлинной науке. Помню, с каким жадным интересом прочитал я письма Р. С. Ильина В. И. Вернадскому и Л. И. Прасолову (впоследствии — тоже академику) в первом номере «Записок современников» (издательство «Современник», 1989 год — «Что с нами происходит?»). Поразили меня их чистый, эмоциональный, чуть иронический слог, философская глубина и высота духа, несломленность в годы тяжелейших испытаний.

«...В общем же я всегда и при всех обстоятельствах желаю здоровья моим опекунам из ГПУ, — писал он в ноябре 1932 года Л. И. Прасолову, — ибо во всех мероприятиях в отношении меня я беру лучшую для себя сторону — ссылку превращаю в научную командировку, одиночное заключение — в научно-исследовательский институт...».

А вот строки из письма Вернадскому (март 1935). Оки заставляют вспомнить статью «...как Ильин пытался опозлить диалектический материализм». «Для меня диалектика, — подчеркивал ученый, — это мой природный метод мышления, развитый во мне воспитанием моим отцом и матерью, православными людьми, черпавшими свои образы из Евангелия, которое все напитано борьбою противоречий, трагедией бытия, как в его будничных делах, так и в космических масштабах... Когда Вы читаете В. В. Докучаева... то Вы чувствуете ж человека, выросшего в православной среде и учившегося в бурсе, где ему философию и логику преподавал человек, отправляющийся от пяти томов «Добротолубия»: научное творчество не только В. В. Докучаева, но и каждого из ученых определяется их социальными, расовыми и духовными корнями. Но для русских ученых расовый момент отходит на второй план — ответ на этот вопрос дает речь Достоевского на открытии памятника А. С. Пушкину... Я ожидаю, что Вы скажете, что я подменяю научное мышление религиозным. Увы! Если бы я был религиозным человеком! Я лишен этого дара, лишен дара молитвы, я сын своего рассудочного века. Увы, я не верю, — а только знаю, т. е. признаю реальные факты. Если же признать мои методы мышления религиозными, то это значит, что я методами религии установил малую мощность угленосной толщи Кузбасса до установления этого факта геофизическими методами, что я нашел при помощи религии соляные купола в Минусинской котловине... и многое другое, что я делаю на своей службе в Зап.-Сиб. геолтресте, где за мою религию платят 600 р. в месяц».

ПИСЬМА ЭТИ неизмеримо укрупнили тот образ, который сложился у меня прежде. И все же не хватало в нем каких-то важных обобщающих черт, живых деталей, красок. Подумалось: Р. С. Ильин — фигура настолько значительная, что нужны не отрывочные фрагментальные публикации о нем, а обстоятельное жизнеописание.

Совсем недавно такое жизнеописание появилось. Называется оно «Сквозь тернии». Автор — Игорь Ростиславович Ильин, сын ученого, тоже почвовед. И выпустил он свою книгу-память под эгидой Тираспольского Всесоюзного общества почвоведов, но за свой счет. Объем книги — около восьми издательских листов, тираж — всего тысяча экземпляров. Один из них, с дарственной надписью, лежит на моем письменном столе. Жаль, немногие смогут прочитать эту содержательную книгу. Чтобы как-то восполнить этот пробел, продолжу свой рассказ со ссылками на труд Игоря Ростиславовича, давшего мне такое право...

В ту пору, когда «постановление тройки УНКВД Запсибкрая от 25 августа месяца 1937 г. о расстреле Ильина Ростислава Сергеевича приведено в исполнение», автору книги «Сквозь тернии» едва минуло двенадцать лет. Но он уже успел побывать с отцом в длительной Обь-Иртышской экспедиции (1936), понял, какая это трудная и ответственная работа, как высок среди поисковиков авторитет Ильина-старшего. «Это был мой единственный длительный контакт с отцом, — признается И. Р. Ильин, — но не напрасно, видимо, утверждение, что родители воспитывают детей даже тогда, когда их нет рядом». Как перекликаются эти слова с признательными словами, сказанными Ростиславом Сергеевичем - Вернадскому о своих родителях, которые дали сыну, прежде всего, нравственное образование, любовь к книге, доброе, поистине милосердное отношение к людям, упоенность работой.

Судьба ученого могла сложиться весьма благополучно, по восходящей, если бы в 1917 году он не вступил в ряды ПСР (партия социалистов - революционеров, а проще — эсеров) и не был вскоре избран членом ее Московского губкома.

«Это, — по словам сына, — сыграло трагическую роль во всей его недолгой жизни. С 4 по 28 мая он участвовал в работе Первого Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов в качестве делегата от Московской губернии, стал членом его Центрального Исполнительного Комитета (Петроград). 12—15 (25—28) августа был делегатом Московского государственного совещания...».

Дважды Ильина арестовывали царские жандармы, пять — органы ВЧК, ОГПУ, НКВД. Сначала высылали в Ярославль, Калугу, Челябинск, затем отправили в Нарымский край (1927 год). Так вот и стал он сибиряком, исколесил с экспедициями по изучению почв и геологии Западной Сибири тысячи километров, привык спать на земле «под открытым небом, впитаться чем придется, терпеть любые лишения. «Его обычный костюм — заправленные в сапоги брюки и грубошерстная толстовка с нагрудными карманами, в экспедиции вместо нее рубашка навыпуск с ремнем, полевая сумка через плечо. Зимой он обычно ходил в грубошерстной куртке и старой каракулевой шапке без наушников.

Стоит ли удивляться, что, оказавшись в очередной раз в тюремной камере, он требовал единственное: бумагу и чернила, чтобы подытожить свои мысли и походные наблюдения.

«Я являюсь ученым, работающим в широкой области естествознания, охватывающей геологию, почвоведение и географию, затрагивающей геохимию, метеорологию, фитогеографию, археологию и ряд других дисциплин, — терпеливо втолковывал Р. С. Ильин томскому прокурору в своих к нему вынужденных обращениях, — мои труды встречают высокую оценку как в высших научных учреждениях СССР (документ в моем деле ГПУ), так и за границей. Предъявление мне обвинения имеет общественное значение, ибо моей биографией ученые круги интересуются при моей жизни, а потому опасно присоединять к ней документы, выставляющие в очень дурном свете работу следственных органов ОГПУ. Реальная часть обвинения построена на искажении мелочей, совершенно несущественных, — они забудутся, как прошлогодний снег, формулировкам обвинения не поверит мой биограф, у знающих меня людей они вызовут смех. Останутся же мои печатные научные работы, открывающие новую эру в изучении географии, почвоведения и послетретичной геологии Сибири, не говоря уже о большем. Важно то, что я в Сибирь пришел в ссылку, на другой день по освобождении по указанию ТОГПУ по Сибири получил службу и.., неустанно вел не только текущую

работу в учреждениях, но и сверх плана писал научные труды, направленные к познанию богатств земли, как в Сибири, так и всего Советского Союза и всего Земного шара».

Одним из тех, кому Р. С. Ильин оказывал гостеприимство, а, возможно, помогал и деньгами, стал замечательный русский поэт Николай Клюев, также сосланный в Томск. По свидетельству сына, Р. С. Ильин еще в юношеские годы наизусть знал его стихи «В златотканые дни сентября», «Наша радость, счастье наше», «Вы на себя плетете петли...» и другие, и вот, поди ж ты, свела их судьба... Н.А.Клюев описал это так: «Я познакомился с одной очень редкой семьей — ученого-геолога. Сам отец пишет какое-то удивительное произведение, ради истины, зарабатывает лишь на пропитание, но не предаст своего откровения. Это люди чистые, и герои. Посидеть у «их приятно. Я иногда и ночую у них... хозяин... очень простой, хотя ума у «его палата».

Этого эпизода в «книге «Сквозь тернии», к сожалению, нет, зато есть другие, не менее значимые. Например, сопроводительные слова, с которыми Р. С. Ильин отправлял в Москву одно из своих «удивительных произведений»: «Я написал эту книгу в условиях, в которых таких работ делать нельзя, — я не имел под руками библиотеки, а лишь выписки из книг. Я теперь не могу уже опираться на свою когда-то хорошую память, — по еле одной из тюремных голодовок она ослабела;...». Разве не так же, по памяти, работал в тюремной камере столь же бездоказательно осужденный Н. И. Вавилов?

Нехватку собеседников Р. С. Ильин остро ощущал все время, — читаем мы в книге его сына, — особенно не хватало ему квалифицированной критики, поэтому он добивался защиты диссертации, и не кандидатской, а докторской. Оппоненты будут просто обязаны прочитать от начала до конца его натурфилософские высказывания, и он получит возможность говорить о вопросах, глубоко волновавших его. «Мне не нужны никакие ученые чины и ученые степени, — нередко повторял он, когда заходила речь о его диссертации. — Мне нужен диспут».

Чудом удалось Ильину добиться права читать курс лекций в Томском университете и Сибирском геологоразведочном институте, и уж совсем чудо, что на должности доцента.

ОН БЫЛ Личностью, Р. С. Ильин, Личностью с большой буквы. Этим все и объясняется. А личности имеют свойство притягивать к себе людей такого же таланта и масштаба. Не случайно, поэтому Ильин был так близок В. И. Вернадскому, известному писателю, Н. А. Клюеву, многим томским профессорам. Особые, искренне-доверительные отношения сложились у него с прекрасным поэтом и художником Максимилианом Волошиным. «Я как естествоиспытатель, — писал ему Ильин, весной 1930 года,— много обязан Вам и другим русским поэтам, постигшим Хаос и Космос. Без русской поэзии я не установил бы своего научного открытия...». А годом позже добавил: «Сопоставление геологических фактов привело к созданию целостного учения о геологических циклах, о их диалектических законах, прозревавшихся не только античными философами..., но и в древнем эпосе, вплоть до сказания о Яриле и Земле». Не только поэзия, но и музыка помогали Р. С. Ильину творить, преодолевать невзгоды. Он страстно любил классическую музыку, народные песни и, как все истинные интеллигенты, был патриотом. Пятый арест захватил его в Азербайджане, где он находился в очередной экспедиции по изучению почв Прикаспийского края. В числе других и ему выдали мандат на посещение турецкой границы. Зная, что за ним тянется «хвост», как за бывшим активистом ПСР, товарищи подсказывали ему: «Перейти границу не сложно, оттуда легко добраться до Америки. Там почвоведы докучаевской школы ценятся на вес золота». «Нет, — ответил Ильин, — я русский, и как бы ни сложилась моя судьба, я должен жить и работать в России. Останусь на родине, даже если мне суждено здесь погибнуть. Лучше русская тюрьма, чем американская свобода». После этого его отправили в Бутырскую тюрьму...

Одно из своих научных открытий Р. С. Ильин изложил упрощенно так: «Земля растет за счет освоения в ее недрах обработанных жизнью солнечных и космических излучений, не говоря уже о метеоритах и космической пыли». Мне кажется, история

нашего Отечества росла и растет теми солнечными излучениями, которые рождают люди, подобные Ростиславу Сергеевичу Ильину. Это они поддерживают то нравственное и духовное равновесие, которое дает нам силы выстоять в самые смутные, переломные времена.

Ровно шестьдесят лет назад ученый высказал опасение, что некоторые его биографы могут при случае написать: «Смотрите, мол, как он страдал в Сибири и т. п. — в то время, как я все время работал, получая несравненное удовлетворение, и всегда буду вспоминать Сибирь с благодарностью, равно как и она меня не забудет...».

Это его пророчество отчасти сбылось. Доказательство тому — научные, конференции, посвященные памяти Р. С. Ильина, очередная из которых состоится в апреле этого года в Томском университете, публикации о нем, пусть пока и немногочисленные, а теперь и книга «Сквозь тернии». Четверть века назад, на совместном заседании томских отделений Географического общества СССР, Всесоюзного общества почвоведов и Московского общества испытателей природы, принято было решение: просить горисполком назвать одну из улиц - в Томске именем Ростислава Ильина, выгравировать его имя среди имен других первооткрывателей нефти в Сибири на обелиске у первой нефтяной скважины близ Колпашева...

Сергей ЗАПЛАВНЫЙ
«Сибирь меня не забудет»

\\ Красное знамя.- 1991.- 9 апреля.- С.3

Карпов Сергей Петрович

Почти четыре века минуло с тех пор, как ступили на землю томскую бородатые кряжистые ратники. Поставив город, они занялись своими земными делами: строили, пахали, воевали, шли дальше на восток. Кем только не стали потомки томских казаков! Судьбе было угодно, чтобы один из них - Сергей Карпов - в голодном двадцатом году начал зарабатывать свой скудный хлеб в холерных бараках. Страдания пациентов он хорошо понимал: самому довелось перенести тяжелый сыпной тиф.

Медицинский факультет Томского университета Сергей Петрович Карпов закончил в 1927 году. Начав изучать инфекционные болезни еще в студенческом научном кружке, он посвятил им всю жизнь. Едва ли могли предполагать тогда в Бактериологическом институте (ныне ТОМНИИВС), что, выдержавший большой конкурс на вакансию, новый сотрудник станет академиком. Научной работой Карпов стал заниматься сразу в нескольких отделах: эпидемиологическом, сывороточном, вакцинном, пастеровском.

Начиналась первая пятилетка. Строятся гиганты Кузбасса. Большая скученность людей, неустроенность их быта, плохое питание приводили к вспышкам инфекционных заболеваний. Один из многих санитарных отрядов, отправленных из Томска на шахты и стройки Кузбасса, возглавил Сергей Петрович. Томичи лечили, занимались профилактикой опасных недугов, налаживали доброкачественное питание и водоснабжение. Все необходимое приходилось выбивать с боем, и как это удавалось Карпову, человеку всю жизнь деликатному, вежливому до застенчивости? Воля, убежденность, компетентность сделали из молодого ученого прекрасного организатора производства и учебного процесса.

В 1937 году, став доцентом без защиты кандидатской диссертации, Сергей Петрович возглавил кафедру микробиологии, вирусологии и медицинской биотехнологии в медицинском институте, по совместительству работая научным консультантом в биоинституте. В этих должностях он пробыл до конца дней своих.

- Каким он мне запомнился? - надолго задумался профессор Ю. В. Федоров, один из его учеников. - Его и дома, и на кафедре можно было увидеть только работающим. Был он добрый и отзывчивый человек, примерный семьянин. Поражали его аккуратность и обязательность. Требовательный педагог, он добился, чтобы у каждого студента в лаборатории было свое хорошо оснащенное рабочее место. Студенты не просто изучали предмет, но и вели научные исследования.

Да, он был великолепный исследователь. Именно Сергей Петрович открыл на территории Сибири такие болезни, как туляремия, клещевой энцефалит, и другие. Не зная еще профилактики туляремии, ученый заразился этой тяжелой болезнью в лаборатории. Исследования начались в 1935 году. Клещевой энцефалит, известный тогда на Дальнем Востоке, обнаружен им в Сибири в 1949 году. А ведь до этого люди умирали или становились инвалидами, казалось, от неизвестного недуга.

Карпов разработал методы обнаружения вируса, лечения и профилактики. Только за одну противоэнцефалитную сыворотку и знаменитый гаммаглобулин, спасший тысячи людей, Карпову еще при жизни можно было поставить памятник; Благодаря трудам Сергея Петровича мы забыли о существовании таких болезней, как корь, коклюш, дифтерия. На днях довелось услышать по радио, что в США, дескать, в последние годы не регистрировались случаи заболевания дифтерией. Да у нас в Томске уже в послевоенные годы забыли про эту болезнь.

Титанический научный подвиг Карпова был по достоинству оценен. Его избрали в 1937 году членом-корреспондентом, а вскоре и действительным членом Академии медицинских наук, четвертым в истории Томской области (первыми были его соратники В. Д. Тимаков, А. А. Смородинцев, А. Г. Савиных). Казачья ветвь Карповых уверенно стала медицинской. Его жена Мария Ивановна, кандидат наук, заведовала кафедрой инфекционных болезней ТОМНИИВСа, дочь - Татьяна Сергеевна, доктор наук, заведует кафедрой биохимии СМУ, сын Ростислав Сергеевич, академик, директор научного центра АМН России в Томске, зять Юрий Васильевич Федоров - доктор медицины, руководит кафедрой микробиологии СМУ. Остальные члены семьи кандидаты наук. И только вторая внучка Сергея Петровича заканчивает шестой курс медицинского университета.

Большие эмоциональные нагрузки привели Сергея Петровича к тяжелому инфаркту и клинической смерти, из которой его вернули к жизни профессора В. В. Пекарский и Р. С. Карпов. Но другое, неизлечимое пока, заболевание уже подтачивало его здоровье. Сергей Петрович догадывался о своей судьбе. А потому на просьбу нашей газеты выступить со статьей ответил, виновато извиняясь, что жить ему осталось несколько недель и он должен успеть привести в порядок свой научный архив.

Благодарные томичи бережно хранят память о замечательном земляке, чьи предки основывали Томск. У входа на кафедру микробиологии есть два портрета: слева - академик В. Д. Тимаков, справа - академик С. П. Карпов. На здании ТОМНИИВСа, что на проспекте Ленина, мемориальная доска. Тихая улочка, спускающаяся к улице Учебной, носит имя Карпова. А еще одна, по соседству, названа в честь его соратника и друга академика В. Д. Тимакова.

В. КРОВЕЛЬЩИКОВ

Оставалось жить несколько недель

\\ Красное знамя.-1994.-21 июня

Коробейников Александр Феофанович

- Портит ли золото тех, кто с ним работает? - переспросил ученый. - Оно меняет людей, но по-разному. Например, старатели ищут крупинки круглые сутки, и этот тяжелый труд воспитывает в них такую деловую алчность.

Для Александра Феофановича Коробейникова, профессора, доктора геолого-

минералогических наук, заведующего кафедрой геологии и разведки месторождений полезных ископаемых ТПУ, презренный металл - материал для исследований. В рудниках на студенческой практике он увлекся ими ... почти на сорок лет. Сейчас его методики поиска и оценки благородных металлов считаются ведущими в мире. Золотые украшения ему нравятся, но жене и дочери он никогда их не дарил, не хватало денег. Знакомые считают его тем феноменальным русским ученым, который двигает науку, оставаясь бессребреником. Да, он не меряет ценность научной истины деньгами.

... Огласив последние известия, репродуктор сообщил о наборе в Томский геологоразведочный техникум. В город благословила бабушка: «Учись за всю семью». И он уехал из села с названием, как из сказки: Коломинские Гривы.

- В системе советского образования я всегда ценил доступность вузов для бедных. Моя мать в войну умерла, у отца была уже другая семья.

Благо предки были охотниками, рыбаками, и выбор профессии наверняка не обошелся без зова крови. По весне геологу дома сидеть невыносимо... Именно потому, что он сам любит бывать «на полях», считает себя не просто геохимиком, а рудным геохимиком.

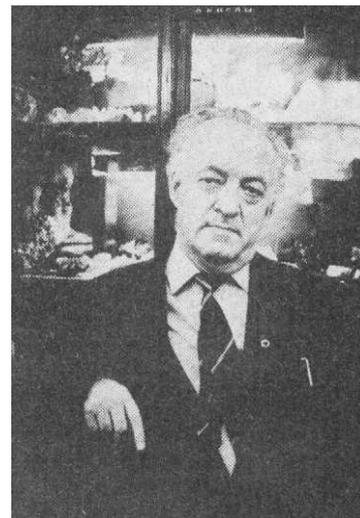
- «Желтый металл» может быть красным, зеленым, а то и вовсе невидимым, - поучал он меня в музее, где за стеклом лежали осколки золотых гор. - Будущее - за подземной добычей. На поверхность золото вымывают реки, но люди собрали уже почти всю россыпь.

...Экспонаты привезли с тех месторождений, в открытии которых он участвовал. Таких кладовых было три, научных работ - десятки. Его труды из отечественных журналов перепечатывали в странах, тоже не бедных по части руды. Туда же потекли золотые ручьи из тех самых открытых залежей. Не только в обмен на хлеб, но и шоколад и броский ширпотреб. Не жалел ли он об этом? Профессор говорил, что страна в ущерб себе определила в качестве валюты недра.

- Можно расплачиваться технологией, продукцией заводов... Там (он подчеркнул это слово) так и делают. И... покупают драгоценные металлы у нас. Свои берегут, и правильно: цена на ископаемые всегда будет только расти. Наша промышленность еще не добралась до «второго этажа», который прячется под основным золотоносным слоем. И слава Богу - пусть богатство достанется правнукам. Его итак достаточно «ушло» на сторону. Я имею в виду куплю-продажу на приисках. Сейчас государство не может вовремя расплатиться с добытчиками за золото. И старатели продают его приезжим с Кавказа, из Средней Азии. В прошлом году из одного только месторождения в регионе Магадана «уплыло» таким образом около трех тонн.

Иногда он извинялся при ответах: «Пусть эта информация пока будет тайной». Но оказался очень общительным и, как сам сказал, но - геологически болтливым: поживешь не раз вдали от «большой земли» - поневоле станешь. Сожалел о недостатке общения с зарубежными коллегами: он имел доступ к секретным документам, и его не выпускали за границу. Несмотря на отсутствие контактов с иностранными учеными, опередил некоторые мировые методики на 5-10 лет. А свою теорию прогнозирования месторождений по карте создал одновременно с американской. Причем тогда подтверждение нашлось мгновенно. На симпозиуме в Москве, в перерыве Коробейников подсказал коллегам из США, где, по его мнению, стоит искать платиновые залежи. Позже из Штатов пришло письмо с искренней благодарностью. Правда, подкрепления деньгами не последовало. Впрочем, он их и не ждал. Как не видел и гонораров за публикации в международных изданиях.

... Александр Феопенович держит в руках свою новенькую монографию о Казахском комплексном месторождении. Тема, которая для непосвященных звучала

бы так: хватит извлекать из руды одно только золото и выбрасывать в отходы платину и другие ценности. Несколько лет он доказывает эффективность комплексной добычи на уже отработанных рудах. При политехническом университете создал геолого-аналитический центр «Золото-платина». А его тема вошла в государственную программу «Платина России».

Знаете, как рождаются новые идеи? Я слушаю природу, я подчиняюсь ей. Для меня она - берите выше! - Бог. Сама геология - наука, с одной стороны которой - цивилизация, с другой - древний подарок земли. Мы должны изучить законы природы и звать свое место в ней, только тогда придем к процветанию. Это будет неизбежно как по закону кванта: сначала идет накопление, потом подъем, отдача, потом опять спад...-Сейчас общество находится в стадии концентрации сил. Мне кажется, пройдет еще полтора века, прежде чем мы взойдем на вершину. Но это будет обязательно.

Профессора Коробейникова зовут работать на золотые канадские рудники, но у него другие планы. Написать еще столько же книг, сколько издал (10 монографий и учебных пособий). Лет десять еще поработать активно, потом - с передышками. С «передышками» -значит уезжать с геологической партией не на все лето. А главное...

- Молодежь надо учить. И я боюсь за это поколение. Мы можем потерять научную мысль, если развалим образование. Своего рода я старовер - не принимаю новой для нас системы с бакалаврами и магистрами. Для таких выпускников наша промышленность еще не готова, вряд ли они найдут работу. Стране нужны сейчас узкие специалисты, инженеры.

И я поняла, что для него сейчас важнее всего. Тяжело годами обрабатывать самый ценный самородок - человека. Раньше столько времени шлифовали для украшения алмаз.

Татьяна ПОДЛАСОВА.

А золотых украшений профессор не дарил
\\ **Красное знамя.**-1995 года.- 25 апреля.

Кузьмин Алексей Михайлович

Всякий раз, обращаясь к трудам своего учителя Алексея Михайловича Кузьмина, испытываю удивление от многообразия его научных интересов и широты охвата различных геологических проблем. Прожив без малого 90 лет, он сумел в разных разделах геологии оставить настолько заметный след, что многие ученые продолжают находить в его трудах свой «золотой ключик».

Алексей Михайлович вошел в блестящую плеяду Сибирской школы геологов, основанной в Томске академиками В. А.- Обручевым и М. А. Усовым. В нее входили тогда замечательные имена профессоров М. К. Коровина, предсказателя сибирской нефти, П. П. Гудкова, открывшего после эмиграции в Америке крупные нефтяные провинции, профессоров В. А. Хахлова, К. В. Радугина, Б. Ф. Сперанского - крупнейших специалистов по геологической истории Земли.

В связи с приближающимся юбилеем А. М. Кузьмина хочется вспомнить об этом выдающемся ученом, ибо его работы и идеи по ряду причин были не оценены, не поняты, а то и попросту забыты. И чисто по-человечески, я и мои коллеги считаем себя должниками Алексея Михайловича, так как не сумели поддержать и развить некоторые начатые им научные направления.

Алексей Михайлович стоял у истоков Сибгеолкома, призванного объединить все

разрозненные исследования на востоке России. Он приехал в Томск в 1918 году. Как член учредительного съезда и ученый секретарь, активно работал над созданием института исследований Сибири, одобренного А. В. Колчаком.

В Сибгеолкоме под председательством профессора П. П. Гудкова общими усилиями закладывался научный фундамент геологической структуры и металлогении Саяно-Алтайской области. При этом Алексей Михайлович акцентировал внимание на изучении характера напластований крупных осадочных толщ древнего возраста и взаимоотношении их друг с другом. Именно это позволило ему позднее установить ранее неизвестную фазу горообразования и складчатости в истории формирования земной коры.

Трудное это было время, но молодой выпускник Казанского университета, преодолевая кордоны то белых, то красных, уходя от местных банд, колесит по Кузбассу, Горному Алтаю и Горной Шории, Забайкалью и Южному Уралу.

Даже изучение самых молодых по возрасту осадочных пород (так называемых четвертичных отложений) не было случайным эпизодом в деятельности Алексея Михайловича, работа сформировалась позднее в обобщение - о расчленении ледникового периода, Кузнецко-Алтайской области. Она стала настольной книгой для многих поколений географов.

Логическим завершением работ в Саяно-Алтайской области стала книга «Слой и наслоение» - первое детальное исследование тончайших нюансов в динамике процессов образования осадков. Оно имело в основе собственный философский стержень. Объемный труд получил высокую оценку академиков В.А. Обручева и Д. В. Наливкина.

Интересно, что Алексей Михайлович был первым, кто в 50-е годы рискнул по своему компьютеризировать ритмику накопления осадков, облекая их в математическую форму. Региональные исследования привели Кузьмина к открытию в геологической истории Земли длительной по времени фазы складчатости, разделившей две эпохи (на рубеже 650-420 миллионов лет). Этот катаклизм он назвал Салаирским тектогенезом.

Вспоминаю, как на своих лекциях профессор М. К. Коровин говорил, что грандиозный по силе Салаирский катаклизм, установленный А. М. Кузьминым, проявился на всей Земле и закончился образованием очагов магмы и связанных с ней месторождений железа, золота, полиметаллов. Это крупное открытие принесло ученому мировое признание. Оно в принципе изменило стратегию дальнейших поисков месторождений полезных ископаемых в древних породах.

Главное предназначение геологии во все времена - обеспечивать сырьем предприятия индустрии. В период первых пятилеток эта работа достигла накала. Алексей Михайлович, будучи сотрудником Сибгеолкома и одновременно с 1933 года профессором Томского технологического института, начал с изыскания площадок под строительство Кузнецкого металлургического завода. Он стоял у истоков открытия целого ожерелья промышленных месторождений Кондомской группы в Горной Шории.

Он изучал марганцевые руды под Ачинском, искал флюсы для химической и металлургической промышленности Сибири, а в годы Великой Отечественной войны занимался столь нужным для обороны вольфрамом в Хакасии. Он был одним из самых нужных для промышленности людей, имел звание директора геологической службы, участвовал в комиссиях и консультациях самого высокого уровня. Для него подавались специальные самолеты. Позднее разве что физики-ядерщики имели подобные привилегии.

Одним из самых любимых разделов геологии профессора была минералогия. Он занимался ею самозабвенно. Им описано много редких минералов с такой детальностью, которой мог бы позавидовать и современный исследователь, вооруженный новейшей аппаратурой. Примером его блестящей работы среди специалистов считается исследование по систематике полевых шпатов, одного из самых распространенных минералов - гранита.

Особый интерес проявлял он к выяснениям условий выращивания кристаллов и причин их дефектности, что диктовалось потребностями промышленности. Работы по этой теме выполнялись им в содружестве с физиками и технологами, полупроводникового

производства и оборонной отрасли, поддерживались известными учеными - академиком В. Д. Кузнецовым и членом-корреспондентом АПН А. А. Воробьевым.

В 50-е годы в геологии проявляется большой интерес к проблеме источника магм и руд. Такие подходы в науке только зарождались, а у Алексея Михайловича уже лежала на столе, в сущности, почти готовая и обоснованная, модель процесса. Используя гипсометрический закон, а также опыты о кристаллизации растворов на многих уровнях с конвекционными потоками, он показал возможный ход эволюции состава магматических расплавов в земной коре. Удивительно, как столь ясные природные закономерности оставались до него никем не замеченными.

Эксперименты Кузьмина заставляют задуматься над природой многих аномальных структур внутри магматических очагов, необъяснимых с позиций общепринятых представлений." Думаю, что натурные исследования Алексея Михайловича (он так любил говорить) открывают завесу над причиной конвекции вещества в магматических резервуарах и в глубинах верхней мантии Земли, где образуются силикатные и рудные расплавы.

Обращаясь к философской стороне вопроса, нужно сказать, что Кузьмин пришел к необычному для того времени выводу: внутреннее строение жидкости на границе фазовых переходов оказывается наиболее близким к строению выпадающих из нее кристаллов...

На основании собственных опытов Алексей Михайлович попытался сформулировать некий общий закон о непрерывно-прерывистых явлениях в геологии, дать ему количественную интерпретацию. Правда, у некоторых специалистов теоретические выкладки Кузьмина не нашли поддержки, особенно со стороны физиков, а стремление заглянуть в структуру атомного ядра вызвало даже нападки.

Были у Алексея Михайловича и «компроматы», мешавшие ему всю жизнь. Это членство в партии эсеров, продолжавшееся в 1917 году всего месяц. Вероятно, сказывались работа с П. П. Гудковым, вольнодумство в философии. Вот почему многие столь фундаментальные работы профессора оставались в неизвестности.

Но Алексей Михайлович при всей скромности характера сумел преодолеть порог дозволенности и соединил в одном лице специалиста по глобальным геологическим и металлогеническим проблемам и экспериментатора, решившего многие проблемы выращивания, химизма и преобразования минералов, искусственных соединений на уровне нашего времени, далеко обогнав свой день.

Именно сегодня его работы, выполненные со строго математическим описанием на микро- и электронном уровне, высветились новыми гранями, находят широкий спрос и понимание у геологов, химиков и физиков.

О. ГЛАЗУНОВ,
Опередивший время
\\ Красное знамя.-1994.-12 мая

Пашинский Виталий Глебович

Виталий Глебович Пашинский, доктор медицинских наук, профессор и заслуженный деятель науки, - большинству наших читателей известен как автор книг "Растения в терапии и профилактике болезней", "Лекарственные растения в терапии сахарного диабета", "Растения в лечении и профилактике лучевых поражений" и множества других, которые выходили в Томске, Новосибирске, Барнауле, Ленинграде, Одессе и даже в Германии.

В его рабочем кабинете в НИИ фармакологии удивительным образом сочетается безупречный, в английском стиле, костюм-"тройка" на хозяине и заваренный им тут же замечательный чай с травами. И баночки с измельченной травой рядом с книгами... И родился он в Москве, а не в деревне, да и доктором наук стал еще до того, как занялся

растениями. Впрочем, не совсем так...

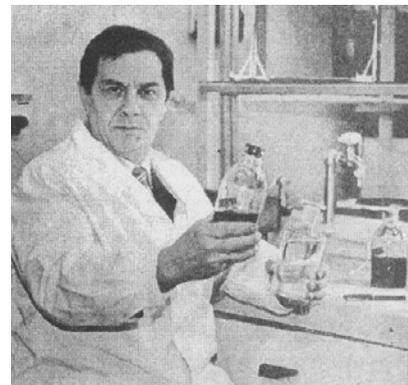
- Несытые военные годы, студенчество, аспирантура, конечно, не прошли даром, и результат не такой уж и редкий: язва. Мне над докторской работать надо было, а меня болезнь донимает. Вот тогда я и решил лечить ее по рецептам народной медицины.

- *И тогда же началось ваше увлечение?*

- Пожалуй. Потому что я ощутил результат. Язва с тех пор - тьфу, тьфу, тьфу - ни разу не беспокоила. Хотя, если честно, это больше заслуга жены: у меня, наверное, не хватило бы ни терпения, ни времени. Ведь один из главных принципов траволечения - непрерывность.

- *А когда увлечение стало работой, Виталий Глебович?*

- Когда в 1979 году я вернулся в Томск из Новокузнецка. Заканчивал я Томский Медицинский институт, потом учился в аспирантуре, работал в Новокузнецке, там где защитил докторскую. В Томске, где меня пригласили в НИИ онкологии, взял тему "Лекарственные растения в онкологии". Биться за утверждение тематики лаборатории пришлось здорово. И в Томске, и в Москве это считалось знахарством. А те утверждают тематику - не утверждают и финансирование... Мы добивались - они отговаривались. Наконец кому-то в Москве надоело с нами спорить, снисходительно махнули рукой: пусть там занимаются у себя в Сибири. А в 1984 году лаборатория переехала сюда, в НИИ фармакологии.

- *Сегодня фитотерапия в большом почете. И книг море, и публикаций, и советов даже в газетах...*

- И иногда такую ерунду, простите, печатают. Вот один пример. В "Комсомолке", кажется, рекомендуют до трех литров морковного сока в день выпивать. Да это же смертельная опасность: известны случаи, когда от чрезмерного употребления развивался цирроз печени. Как и с лекарствами, здесь все строго индивидуально. Для кого-то тот же лимонник китайский служит стимулятором, а для кого-то - совсем наоборот. У меня знакомый как-то попросил несколько засушенных ягод лимонника, сказал, поработать надо ночью. Наутро рассказал: уснул прямо за столом, словно выпил снотворное.

И наша, кстати, задача - это разработка принципов фитотерапии. Один из английских биохимиков сказал как-то, что если исходить из глубинных стратегических процессов жизнеобеспечения клетки, то нет принципиальной разницы между королями и капустой. Но все и всегда зависит от конкретной ситуации.

Я, например, когда ко мне обращаются, первым делом спрашиваю, а что рекомендует вам ваш врач. Потому что, по моим многолетним наблюдениям, самые хорошие результаты дает комплексное лечение. Это первый принцип фитотерапии. Прежде всего, необходимо определить роль и место растений в лечении: они могут играть первостепенную роль, могут использоваться в качестве дополнительных средств, а могут быть единственно полезными.

- *А к вам многие обращаются за помощью?*

- Обращаются. Вас интересует эффективность фитолечения? Это сложно так вот сразу подвести некий итог. Но результаты, конечно, есть, и хорошие. Год назад обратилась знакомая с довольно серьезным заболеванием щитовидной железы. Все это время она беспрерывно пила специально подобранные травы. И вот недавно врачи констатировали, что операция теперь не нужна. Еще раньше лечился по моей методике один солидный руководитель. Работа - вечный стресс, поэтому давление скачет, махровая гипертония. И просто медикаментозными средствами ничего не могли сделать. Мы с ним подобрали растения, определили дозировку, составили схему лечения. И тоже ушел год, не меньше. Зато он звонит иногда, хвастает: "Давление держу".

- *То есть на лечение травами уходит в среднем год?*

- Я никогда так не говорю. Своим пациентам советую лечиться до тех пор, пока лечащий врач не скажет, что результат удовлетворительный. А после - еще год попить для профилактики. И всю оставшуюся жизнь употреблять растения в качестве пищевых добавок: в чай, в салат, в суп.

- *Виталий Глебович, а как вы сами, ваша семья относитесь к этой «травной профилактике»?*

- О! У нас вполне "травоядное" семейство. Во-первых, и я, и жена круглый год пьем чай только на травах. А мой суп, особенно на даче, сын называет "сеноповал", потому что я обязательно кладу туда молодую крапиву, лебеду, подорожник – в принципе все, что попадет под руку.

- *"Под руку" на вашем участке много чего попадает?*

- Только 16 видов, которые я как бы культивирую, а если выйти в лесок или к болотцу... Спорыш, например - одно из лучших средств при мочекаменной болезни, а растет прямо под ногами. Я убедился в его замечательных качествах, как говорят, воочию: электрический чайник, с которого накипь не убирается никакой содой и никаким уксусом, до блеска очищается, когда я беру его летом на дачу и завариваю в нем чай. Конечно, я добавляю туда листья валерианы, бадана и другие травы, но главное, все-таки спорыш. Вот такие сильные у него свойства. Многие по нему ходят, а на мочекаменную болезнь жалуются.

- *И импортные лекарства из всех сил ищут. А я вот где-то слышала, что сибирякам, например, полезнее есть не заморские фрукты, а местные ягоды, которые так же, как и мы, переносят все климатические суровости, и где-то там на "подклеточном" уровне это потом передается нам.*

- Ну, это с каким-то мифическим уже оттенком. Хотя на человека действительно лучше действуют растения той среды, где он сам обитает. Мы с Геннадием Михайловичем Свиридоновым, автором книжки "Лесной огород", встречались иногда, спорили обычно, но вот в каком мнении сошлись. Даже ностальгия во многом определяется тем, что человек где-то "там" ест другую пищу.

А я лично, отправляясь в командировки, беру с собой свой "зеленый" чай. Потому что через два дня мне его уже хронически не хватает.

- *И где вы собираете травы для своих чаев и "сеноповалов"?*

- Примерно процентов восемьдесят выращиваю на участке. Там прекрасно растут золотой корень и левзея, девясил и мята. Я даже лимонник китайский "приручил". Второй источник - обыкновенные сорняки: подорожник, одуванчик, пастушья сумка, горец почечуйный, лебеда, крапива, лопух, пырей ползучий. Молочай вот только не беру: очень ядовитый. А еще окрестные поляны: там можно найти володушку, мать-и-мачеху, душицу, белоголовник, клевер, медуницу. Тут есть одно золотое правило: брать только то, что хорошо знаешь. Многие растения ведь схожи, например, борщевик, который ребятишки обычно жуют, и чемерица - очень ядовитое растение. И важно собирать травы в срок. Например, лист березы до 10 июля содержит в себе вещества, близкие к гликозидам женьшеня, а во второй половине июля их содержание резко падает.

- *Виталий Глебович, а что сейчас весной, есть-пить для пользы здоровью?*

- Сейчас полезно заваривать чай из поливитаминных растений. Пока - из сушеных: шиповника, крапивы, рябины, боярышника. А летом обязательно из свежих. Полезли уже почки сосновые – их можно заваривать. Почки березовые чрезвычайно полезны при многих заболеваниях и просто для профилактики. Уже начинает пробиваться лебеда, а там крапива. А потом пойдет уже и спорыш, и замечательный сорняк - мокрица, она же звездчатка средняя. Ее просто необходимо включать в рацион. Это йодсодержащее, противорадиационное растение особенно полезно сибирякам, поскольку у нас йододефицитный регион. Прямо в свежем виде - нарезать в салат вместе с луком, яйцом, сметаной или маслом.

- *И обязательный последний вопрос: над чем работаете сейчас?*

- Называется это довольно длинно: "Мой сад-огород. Пища, лекарства,

удовольствие". И это не справочник-указатель, а такой трактат – с рассуждениями, поисками истины.

Валентина ВАККЕР

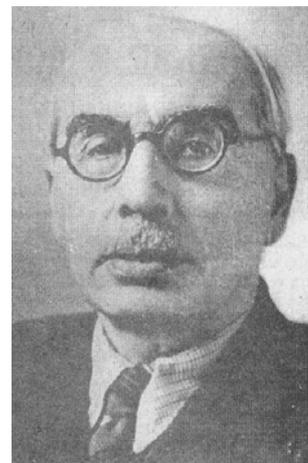
Чай знахаря в кабинете ученого

\\ Красное знамя.- 1996 .- 21 мая

Ревердатто Виктор Владимирович

Виктор Владимирович Ревердатто (1891-1969) - доктор биологических наук, профессор. Окончил Томское реальное училище, а в 1917 году - химический факультет технологического института. Еще в бытность студентом работал в ботаническом кружке под руководством профессора В. Сапожникова и приват-доцента П. Крылова. С 1921 года стал сотрудником Томского государственного университета и в качестве ученика Порфирия Никитича Крылова работал над многотомной "Флорой Западной Сибири", занимаясь детальным изучением растительности Приенисейской Сибири.

Основатель кафедры геоботаники в Томском университете, одной из первых в стране, В. Ревердатто многое сделал для развития тогда еще молодой науки о растительном покрове земли как совокупности растительных сообществ. В годы Великой Отечественной войны совместно с профессорами Д. Яблоковым и Н. Вершининым он возглавил группу для комплексного исследования и добычи лекарственных средств из сибирских растений. За работу по созданию необходимых фронту лекарств был удостоен Сталинской (Государственной) премии.

Славился и как талантливый педагог, воспитавший целую плеяду ботаников-профессионалов. В числе его учеников - член-корреспондент Академии наук УССР, 5 докторов, более десяти кандидатов наук.

ИМЯ ПРОФЕССОРА Ревердатто, 105 лет со дня рождения которого исполнилось 6 июня, было широко известно в Сибири. Но откуда в Томске такая странная фамилия? Оказалось, что Виктор Ревердатто обязан ей своему... французскому происхождению. Более того, до 1913 года он даже имел французское гражданство.

В Государственном архиве Томской области сохранился любопытный документ: "Дело о принятии в русское подданство французского гражданина В.В. Ревердатто". Открывается оно прошением сына статского советника, студента технологического института, живущего с родителями по Преображенской, 18, на имя томского губернатора:

"Я родился, жил и получил воспитание и образование в России, которая таким образом стала для меня не только родиной, но и отечеством. Отец мой также родился в России и по окончании университета принял русское подданство уже после моего рождения, вследствие чего я и остался иностранцем. Достигнув ныне 21 года - 22 мая (старый стиль) сего года мне исполнится 22 года, - в свою очередь хочу принять русское подданство, а потому имею честь просить, Ваше Превосходительство сделать распоряжение о приведении меня к присяге на русское подданство".

По закону о принятии гражданства требовалась справка о политической благонадежности. В деле имеется сообщение начальника Томского губернского жандармского управления на имя губернатора: "Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что В.В. Ревердатто участвовал на неразрешенной сходке, проходившей 17.01.1911 года в здании Технологического института и, по имеющимся в

управлении сведениям (не проверенным формальным порядком), в том же году поддерживал сношения с политически неблагонадежными лицами". (Интересно, что отец будущего профессора - Владимир Андреевич, окончивший в свое время юридический факультет Харьковского университета, служил в Томском окружном суде и по долгу службы боролся с такими нарушителями. Собственного же сына не уберег.)

Однако высокое начальство не посчитало жандармское сообщение препятствием к принятию студента в русское подданство ни с точки зрения политической благонадежности, ни с точки зрения нравственной, и 31 октября 1913 года Виктор Ревердатто был приведен к присяге на верность подданства.

В анкете (при оформлении документов) В.Ревердатто писал, что совершенно не имеет связи с родиной родителей, но сохранившиеся письму из Франции на его имя говорят, что это не совсем так. Конечно, в советские времена афишировать свои французские связи, французское родство стало небезопасно, поэтому факт этот из биографии знаменитого томского ученого мало кому известен.

Александр КАЗАЧКОВ.

Иностранец в русской семье

\\ Томский Вестник.- 1996.- 28 июня. -С.15

Сапожников Василий Васильевич

«Я не люблю писать о своем настроении, но теперь позволю себе заметить, что такие дни, полные напряженной работы, сопровождаемой открытиями, чувствуются недаром прожитыми. Несмотря на крайнее физическое утомление, где-то глубоко внутри живет и радуется существованию другой, добрый, не уставший человек. Эту здоровую радость бытия в исследовании завещаю молодым моим друзьям и ученикам».

В. Сапожников

Василий Сапожников, ученик К. Тимирязева, приехал в Томский императорский университет в пятый год его существования. На временную работу. Остался навсегда. Был ректором в беспокойные 1906-1909 и в 1917-1918 годы. А в историю сибирской науки вошел как родоначальник школы физиологов растений. В годы гражданской войны в Сибири, не под Советами, возглавлял министерство просвещения, но с белыми не ушел, с университетом и Томском не расставался до самой своей смерти в двадцать четвертом. Незадолго до смерти основал в Томском университете новую кафедру - физиологии и анатомии растений.

Заведующая Гербарием им. П. Крылова профессор А.Положий преподнесла коллегам на юбилей ценный дар - портрет-оригинал профессора В.Сапожникова. Другие подарки сердцу юбиляров тоже дороги. Выпускники кафедры - сотрудники Центрального ботанического сада СО РАН (Новосибирск) презентовали фиалку сорта "Изаура" и оригинальную композицию из южных растений семейства "Толстянковые".

Гости с трудом уместились за праздничным столом. На юбилей пришли коллеги, выпускники - за время своего существования кафедра подготовила более четырехсот специалистов - физиологов растений. На празднике присутствовал почётный гость - профессор Любовь Березнеговская - первая (!) выпускница кафедры - 29-го года. В прошлом заведующая кафедрой ботаники и фармакогнозии ТМИ. Она знала профессора

Сапожникова. Училась в одной гимназии и дружила с его младшей дочерью Екатериной.

Чем же знаменита кафедра физиологии и биотехнологии ТГУ в научном мире? В.Сапожников исследовал основную функцию растений – фотосинтез. Первый завкафедрой профессор Петр Савостин внес вклад в развитие магнитобиологии и изучение минерального питания растений. Он организовал масштабные научные исследования по плодородию сибирских почв. В 1938-1951 годах кафедрой заведовал профессор Кронид Сухоруков - основоположник отечественной науки по физиологии иммунитета растений. Его работы многое привнесли в практическое растениеводство. Профессор Михаил Окунцов, который возглавлял кафедру в 1951-1969 годах, исследовал физическую природу меди, ее влияние на процессы фотосинтеза и дыхание растений. При нем на кафедре была организована проблемная лаборатория фотосинтеза, в которой исследовали влияние света на изменения, происходящие в растениях. Исторически пятый заведующий кафедрой - профессор Раиса Каранчук, преемница Окунцова, продолжает эти исследования. Совместно с коллегами ей удалось изучить и описать фоторегуляторные системы роста и фотосинтеза растений. С 1991 года кафедра развивает новое направление - в области биотехнологии. Изучение ткани растений и их размножение на клеточном и зародышевом уровнях перспективно не только с точки зрения научной, но и практической. Суперсовременные биотехнологии - будущее человечества, которое неустанно уничтожает зеленый пояс Земли. К примеру, уже сегодня в лабораторных условиях можно получить биоткани, способные производить труднодоступные лекарственные культуры, улучшить элитные сорта сельскохозяйственных культур...

Дело Василия Васильевича Сапожникова в Томском университете живет и находит достойных последователей.

Олег ВОРОБЬЕВ.

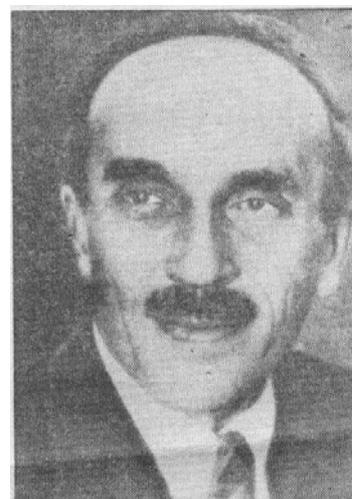
Фиалка «Изаура» - семидесятилетней кафедре
\\ Томский вестник.- 1994.- 26 ноября

Семенов Николай Николаевич

В кабинете университета вдоль верхнего яруса висят портреты. Вот они, все пятнадцать его предшественников. Разные люди, разные судьбы. Каждый из них оставил свой след в почти вековой истории вуза, повлиял на его судьбу. Об одних мы знаем немало, о других - почти ничего: «хроника правления» ТПУ еще ждет своего автора.

А этот портрет висит особняком от галереи ректоров, изображенный на нем человек не был ректором - это знаменитый физико-химик, лауреат Нобелевской премии, академик Н. Н. Семенов. Томскому политехническому повезло: в его стенах работала звезда мировой величины.

Как оказался Николай Николаевич в Томске? Узнать об этом помогли документы, хранящиеся в архиве ТПУ и Госархиве. Полезными оказались и воспоминания профессора ТПИ И. А. Соколова, заведовавшего физической лабораторией института с 1924 года, написанные им в тридцать седьмом. Пролила свет на эти годы жизни Н. Н. Семенова и его автобиография, опубликованная в книге «Физики о себе», вышедшей в 90-м году в издательстве «Наука».

Николай Семенов родился в апреле 1896 года в Саратове. Происходил из мещанского сословия. Дед его был фельдшером, отец служил делопроизводителем в

Саратовском удельном округе. В 1913 году, окончив реальное училище, одаренный юноша уехал в столицу, где стал студентом физико-математического факультета Петербургского университета. Уже на втором курсе начал заниматься научной работой под руководством А. Иоффе, тогда приват-доцента, впоследствии - знаменитого ученого, академика. После окончания университета Семенова оставили при нем стипендиатом для подготовки к профессорскому званию. Активную научную деятельность прервала гражданская война.

«Будучи увлечен наукой, - писал в своих воспоминаниях Николай Николаевич, - я мало интересовался политикой и в событиях разбирался плохо. Весной 1918 года я поехал на каникулы к родителям в Самару, где меня и застал чехословацкий переворот. «Молодой ученый вступил в народную армию самарской «учредилки», три недели провел на фронте и... охладел к войне. Воспользовавшись известием о тяжелом состоянии отца, Семенов добился получения отпуска, а затем - перевода в Уфимскую батарею. Но до Уфы не доехал: дезертировав из белой армии, прямо из Самары он уехал в сентябре восемнадцатого в Томск.

«Томск был единственным университетским городом Сибири, - писал в автобиографии Семенов, - и я поехал туда, рассчитывая вновь отдаться научной работе. И действительно, профессор Б. П. Вейнберг тотчас предоставил мне возможность заняться наукой в лабораториях технологического института, а с декабря я стал также вести преподавание в университете при кафедре физики профессора Пospelова».

В годы гражданской войны в Томске собралось немало видных ученых, вынужденных покидать российские города, где царили голод, хаос и смерть. Возможно, их приезд был связан и с личностью профессора университета Василия Васильевича Сарожникова, бывшего в то время министром просвещения временного сибирского правительства. Вот что писал в своих воспоминаниях профессор И. А. Соколов: «В Томске оказалось много ученых-физиков, среди которых был из Самары Н. Н. Семенов». И далее: «По инициативе профессора Вейнберга Б. П. в Томске организовался и работал кружок физиков, на заседании которых было сделано немало интересных докладов. Душой этих собраний был Н. Н. Семенов, чрезвычайно талантливый и высокообразованный физик, несомненно, оставивший глубокий след в жизни томских физиков». Сам Николай Николаевич вспоминал, что он организовал постоянно действующий семинар и руководил кружком, где занималась талантливая студенческая молодежь, и назвал фамилии Кудрявцевой, Аравийской, Большаниной, ставших впоследствии крупными сибирскими учеными. Посещал будущий академик и кружок химиков. Сведения об этом мы находим во втором томе сборника документов истории Томского политехнического института («О деятельности Сибирского отделения физико-химического общества»). «В 1918 году группа химиков, работавшая в Томском политехническом институте и Томском университете, в целях научного сближения решила организовать периодические (по субботам) заседания с постановкой научных докладов и сообщений, которые и были названы «Субботние сообщения по химии и химической технологии». Возглавляли эти заседания крупные ученые-химики профессор Е. В. Бирон и И. Ф. Пономарев, приехавшие в Томск также в 1918 году. Как свидетельствует документ, «до 1922 года на упомянутых «Субботних сообщениях» было сделано более тридцати докладов (...), из них наибольший интерес представляли следующие доклады: Н. Н. Семенов - «Об атомизме» (три доклада)...

Интересно, что деятельность аспиранта Семенова, тогда еще совсем молодого и никому неизвестного ученого, была высоко оценена маститыми коллегами. И не случайно за время пребывания в Томске им было написано несколько «совершенно самостоятельных работ»

Дальнейшая жизнь и работа Н. Н. Семенова была связана и Петербургом. Там он стал всемирно известным физико-химиком, в тридцать шесть лет был избран действительным членом Академии наук СССР. Получил Государственные и Ленинскую премии, а в 1956 году академику Семенову совместно с англичанином Хиншелвудом была

присуждена Нобелевская премия по химии за исследования механизма химических реакций.

ГАГАРИН, А., ГАЛАНОВА, Р.
Нобелевский лауреат не интересовался политикой
\\ **Красное знамя.** - 1994 .- 15 июня.

Танзыбаев Михаил Гаврилович

В наше время «повального» огородничества, как никогда раньше, нужна консультация хорошего почвоведов. Один землю торфом посылал - и полез пырей. Другой с большими трудностями перетаскал на участок тонну навоза - и картошка «сгорела»...

Словом, сегодня без почвоведов - никуда. И с каким почвоведом ни встретишься, каждый в первую очередь спросит: «А вы с Танзыбаевым разговаривали?..».

Ибо большинство наших томских выпускников биолого-почвенного факультета ТГУ - его ученики.

Но прежде хотелось бы рассказать об учителе.

Заметки о томском ученом-почвоведов

Мы сидим с Михаилом Гавриловичем Танзыбаевым на кафедре почвоведения ТГУ, где он заведует, и рассказываем анекдоты. Точнее, рассказывает завкафедрой.

- Задумался как-то чукча: «Почему это у всех народов есть академия, а у чукчей до сих пор нет?». Приехал с этим вопросом в Москву. Тамошние академики посоветовались и выдали ему решение: «Объявляем вас, дорогой чукча, почетным академиком».

Вернулся чукча домой. «Ну что, «пробил» академию?» - односельчане спрашивают. А чукча, важный такой.

«Так вот, - говорит, - теперь я по четным дням академик, а по нечетным - рыбу буду ловить...».

Заметив мое смущение, Михаил Гаврилович расхохотался:

- Может, мне член-корра дали по тому же принципу малых народов? Я ведь, хакас...

- И вам не обидны подобные анекдоты?..

- Что же - тут обидного, - улыбается Танзыбаев. - Анекдот он и есть анекдот. От обиды твоей ему ничего не делается, возник и существует...

В октябре прошлого года Михаил Гаврилович Танзыбаев стал членом-корреспондентом Сибирского отделения Международной академии высшей школы, а в начале декабря Президиум Верховного Совета Республики Хакасия присвоил Михаилу Гавриловичу почетное звание «Заслуженный деятель науки республики». Когда мне для консультации нужен был почвовед, люди, связанные с биологией, подсказали: «Иди к Танзыбаеву, лучше него землю никто не знает. Она для него живая. Он действительно считает, что земля - живой организм, причем не только сейчас, когда это стало модно, а всегда так считал и соответственно воспитывает своих студентов...».

Так что Михаил Гаврилович сколько угодно может подшучивать над своим хакасским происхождением и член - коррством, но его выпускники и коллеги знают, что все его ученые и общественные звания вполне заслуженны.

В той же родной Хакасии вместе со студентами сколько раз держал он в руках кусочки родной земли, с дотошностью врача допытываясь, чем «больна» она, какие «лекарства» нужны.

- Помните, как вошла в моду мелиорация, сколько средств на нее отпускалось? - объясняет мне Танзыбаев. - Нет, чтоб лишний раз, посоветоваться с почвоведов: ведь почва везде разная, разные у нее особенности, разный характер. Не будете же вы от сердца пить аналгин, а от простуды валидол? А тут целыми гектарами - то орошение, то химические удобрения. Зарыли в землю миллионы рублей да при этом еще и навредили земле.

Профессия почвовед, считает ученый, сейчас нужна, как никогда раньше. Кто даст фермеру или какому-нибудь сельхозтовариществу нужную консультацию? Агроном расскажет со своих позиций: что лучше сеять, когда сажать, какой урожай ждать. Но, прежде чем сеять, сажать и думать об урожае, землю нашу в большинстве случаев надо ЛЕЧИТЬ. Здесь почвовед незаменим. Его анализ почвы, его консультация дадут земледельцу больше, чем погоня за высокосортными семенами или самыми модными удобрениями.

И, тем не менее, кафедра почвоведения зачастую сталкивается с тем, что абитуриенты, поступая на биолого-почвенный, имеют понятие о пестиках и тычинках, о происхождении видов и ни малейшего - о земле, даже о той, на которой выросли.

Сейчас бы самое время кафедре «озолотиться». Кто лучше ученых-почвоведов может провести полный анализ почвы и дать рекомендации? Однако и здесь нужен свой исходный «капитал»: нужны аналитические весы, сушильные шкафы, не хватает реактивов. Словом, проблемы и бедность.

Я застала Танзыбаева как раз в то время, когда решался вопрос о командировке. Как член экспертного совета научно-методического объединения он, безусловно, должен присутствовать на заседаниях совета, ведь будут решаться, вопросы финансирования отдельных научных программ, в том числе и университетских. Но где взять денег на командировку?

У профессора добрая память. По именам и отчествам он помнит тех, кого вывел в «ученые люди», - Лидию Инишеву, Валентину Перфильеву. Есть и те, кто стали коллегами на преподавательской работе, сотрудниками кафедры, - Людмила Герасько, Валентина Середина, Валентина Спирина, Анатолий Огородников и, как говорится, многие-многие другие.

Тяжелые времена сейчас и у студентов, и у ученых. Наука становится все сложнее, качество знаний абитуриентов, к сожалению, ухудшается. Чего не хватает сегодняшним студентам - ответственности, серьезности? Дважды побывав деканом (в семидесятые годы и в конце восьмидесятых), Михаил Гаврилович далек от морализаторства:

- Серьезности, ответственности - это, конечно, - кивает он, - но и денег тоже. Иной раз, чтобы учиться, он вынужден сначала «торгануть», добыть денег на хлеб насущный, а уж потом думать о науке.

Хорошо, если бы студент получал лишнюю копейку за участие в разработке научных программ, чтобы у работников кафедры не болела голова о том, где взять нужные реактивы, чтобы ученый мог спокойно ехать в нужную всему вузу командировку.

Всего этого я и желаю Михаилу Гавриловичу и его коллегам. А, кроме того, хочется пожелать будущим абитуриентам попасть учиться к человеку, посвятившему свою жизнь земле и принимающему ее как живое существо...

Юлия СТРУКОВА.

Тот самый Танзыбаев

\\ Томский вестник.- 1994 .- 19 февраля. -С. 7.

Тарасенко Феликс Петрович

Когда он знакомился на конференциях с коллегами-кибернетиками, те неизменно удивлялись: неужели этот молодой парень и есть автор первого на русском языке учебника по теории информации?! А Феликс уже несколько лет преподавал студентам новый предмет. «Введение в курс теории информации» и сейчас в научном и студенческом обиходе.

С тех пор прошло тридцать лет.

Если говорить о формальных результатах его деятельности - опубликовал 10

монографий, 120 научных статей, подготовил более 30 кандидатов наук. Некоторые из них стали докторами. Вектор научных исследований Феликса Петровича менялся многократно, поступательно продвигаясь в главном направлении. Хотя были и отклонения - в парапсихологию, теорию НЛЮ. Не только из любознательности - ему важно было сформировать свое мнение.

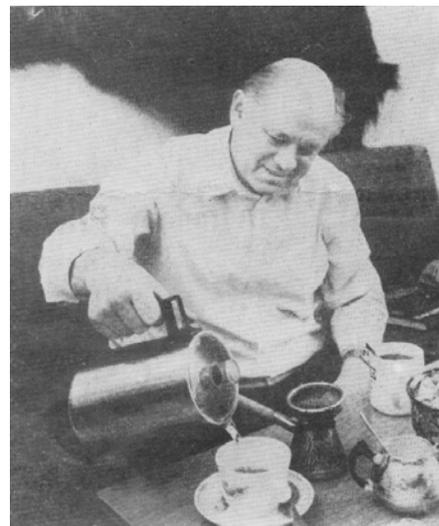
Профессор с удовольствием вспоминает время, когда он «ударился в непараметрическую статистику».

- Надо мной подхохатывали друзья. Обаяние классической математической статистики прусской школы теории относительности были настолько сильны, что мои исследовательские новинки казались экзотическими отступлениями. Не очень нужными. Потом оказалось перспективное направление.

После традиционной обкатки нового курса на занятиях со студентами молодой ученый подготовил еще одну книгу. И вновь оказался в лидерах. В стране такая монография стала первой ласточкой. А в Томске была основана новая научная школа непараметрической и робастной статистики.

Последние полтора десятка лет Ф. Тарасенко увлеченно работает в области прикладного системного анализа. Он страстный проповедник своих научных идей. Блестящий лектор нарасхват у студентов. Читает свой курс на семи факультетах!

По соответствующему отделению он избран академиком Международной академии наук высшей школы России, членом-корреспондентом Российской академии естественных наук. Заслуженный деятель науки и техники РФ. За рубежом известен настолько, что два года назад его биографию включили в справочник – ежегодник « Кто есть кто в мире», издающийся в США. А недавно из Американского биографического института в ТГУ пришло известие: Феликсу Тарасенко присвоен титул «Человек года-94».

Когда он в прошлом году был по научным делам в США, неожиданно получил предложение от профессора Джеймса Хекмана из Чикагского университета. Знаменитый американский экономист заинтересовался возможностью применения в своей области методологии статистики и системного анализа, которую разрабатывает сибирский ученый. А Тарасенко обуюла боязнь. И были причины. Чикагский университет в научном мире очень известный. Уникален тем, что в нем - ни одного студента. Зато семь тысяч аспирантов. Огромный научный потенциал! К примеру, на кафедре, которую возглавляет Хекман, работают два (!) лауреата Нобелевской премии.

- Больше всего боялся выглядеть провинциалом, - признается Феликс Петрович. - Но оказалось - все нормально! Самое главное, что я после этой встречи понял: - наши специалисты нисколько не хуже американских. Даже в ведущих областях.

С классиком американской кибернетики Дэвидом Мидлтоном Тарасенко познакомился на международной конференции. Очень обрадовался. «Я вырос на его статьях. Считаю себя его учеником».

Подобных удачных совпадений и стечений обстоятельств в биографии профессора Тарасенко немало. Фаталистом он себя не считает, но признается: «везунчик». В чем тут дело? Может быть, в особом складе характера?..

Светлая голова, неиссякаемая энергия, бурный темперамент. В общем, из тех, кто в любой ситуации за словом в карман не полезет. Его невероятно трудно увидеть в мрачном, подавленном настроении. Хотя все мы - люди, у каждого в жизни случаются «черные вторники».

- Бывает, как у всех, - страдаю, переживаю, ночами не сплю. Но почему-то отрицательные эмоции у меня долго не держатся. Ну и потом мне всегда кажется - а могло

быть и хуже. И действительно, когда мне не везет, то по минимуму.

Просторную гостиную профессорской квартиры, где мы уютно расположились для разговора, украшает множество необычных сувениров.

Маконде - забавные черные фигурки из «железного» дерева - Тарасенко привез из Африки, где полтора года работал в качестве эксперта ЮНЕСКО. В то время известная международная организация оказывала просветительскую помощь Танзании, которая по грамотности очутилась в хвосте мирового списка.

Мог ли он тогда даже в шальных мыслях допустить, что через пару десятилетий его родной университет, один из лучших в России, будет нуждаться в гуманитарной помощи из-за рубежа?..

Он неожиданно переходит от воспоминаний о сказочной Африке, где покорил гору Килиманджаро, прочитал семь курсов лекций, «опубликовал парочку научных статей» и приобрел несколько десятков коллег-друзей из 26 стран мира, к сегодняшним болям и будням. - Не должна себе позволять нация, которая хочет быть заметной среди остальных, так относиться к собственной образовательной системе!.. Трудно, тяжело нам сегодня. Но я очень надеюсь – все это временно. Не может так долго продолжаться! - Тарасенко разгорячился. - Главное, не перескочить бы точку возврата!

Накануне Феликс Петрович встретался со своим давним другом - профессором из Красноярска. 15 лет они успешно проводили всесоюзные школы-семинары по проблемам непараметрической статистики.

- Мы долго размышляли. И решили, - несмотря ни на что, сделать все возможное, чтобы удержать это научное направление. В будущем году проведем очередной, теперь уже международный, симпозиум.

Тарасенко - не идеалист. Сохранились прежние мощные связи с промышленными предприятиями. Есть идея обратиться за помощью в российские и зарубежные научные фонды.

Он обладает, на мой взгляд, редким сочетанием таланта ученого и незаурядного организатора.

Феликс рано ощутил в себе тягу к общественной деятельности. Может быть, унаследовал общительность от родителей-журналистов. Десятиклассником стал кандидатом в члены партии - «еще при Сталине». В красноярской мужской средней школе был комсомольским вожаком.

...В университете Ф. Тарасенко возглавит научное студенческое общество. Станет основателем и первым заведующим кафедрами электронной вычислительной техники и автоматики, статистической радиофизики и общей теории связи. В течение нескольких лет будет возглавлять крупный отдел кибернетики в Сибирском физико-техническом институте, партийную организацию ТГУ.

Когда на историческом факультете неожиданно возникнет идея открытия международного гуманитарного колледжа, обратятся к завкафедрой теоретической кибернетики. И он тотчас загорится новым делом.

В этом году состоялся уже третий набор студентов. А директор колледжа до сих пор не успокоился в поиске «золотой» середины между американской и российской образовательными системами. Кстати, идея создания в ТГУ ассоциации выпускников тоже была завезена из университета штата Огайо, откуда теперь регулярно в Томск приезжают преподаватели и студенты. А Томичи отправляются к американским коллегам на учебу и стажировки.

В университете долго решали, кому занять почетную должность президента ассоциаций выпускников. Пришли к выводу - подойдет кандидатура Тарасенко.

Сам он регулярно встречается с однокашниками. Среди них многие крупные ученые и администраторы в науке. Иначе, наверное, не могло быть. «Росли и развивались» как молодые исследователи под опекой великолепной плеяды профессоров - В. Кузнецова, В. Кессениха, А.Сапожникова, М. Большаниной, Н.Полежаевой, которые обеспечили ТГУ пальму первенства во многих областях научных исследований.

Теперь это с уверенностью можно сказать и о профессоре Феликсе Тарасенко.

Олег **ВОРОБЬЁВ**

Неиссякаемый профессор

\\ Томский Вестник.- 1994 .- 3 декабря.

Флоринский Василий Маркович

Исполнилось 160 лет со дня рождения двух крупных российских ученых - Д. И. Менделеева и В. М. Флоринского, судьбы которых были тесно связаны с Сибирью и Томском. Они были не только соратниками по идее высшего образования на востоке нашей страны и непосредственными участниками ее воплощения, но и друзьями, вели переписку, а порой встречались в Санкт-Петербурге. Юбилей первого был широко отмечен научной общественностью России, а вот о другом нам предстоит вспомнить.

Василий Маркович Флоринский был сыном священника. Среднее образование получил в Пермской духовной семинарии, поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию. После ее окончания с отличием был оставлен в академии для совершенствования по акушерству и гинекологии. Но еще в годы студенчества Флоринский успешно овладел хирургией, провел несколько операций на больных и, талантливо «владеющий литературным пером», опубликовал ряд специальных работ.

Еще в студенческие годы Василия Марковича вышло «Руководство к изучению акушерской науки», изданное под редакцией проф. А. А. Китера, слабо знавшего русский язык. Современники свидетельствуют, что оно «написано в сущности Флоринским». В академической акушерско-гинекологической клинике, в которой Василий Маркович проработал до 1875 года он читал курс теоретического акушерства и гинекологии. В этой области им опубликовано более 50 научных работ, среди которых самый капитальный Труд - «Курс акушерства и женских болезней (гинекология)». В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона имя Флоринского упоминается в связи с участием его в открытии при академии первой детской клиники, начала систематического курса лекций по детским болезням, а затем и открытии кафедры педиатрии (1870г.).

Некоторое время после ухода из Петербургской военно-медицинской академии Флоринский заведовал кафедрой акушерства и гинекологии в Казанском университете. Написал целый ряд научных работ не только в области основной своей специальности, но и по другим разделам клинической медицины, а также в областях знаний, далеких от основных научных интересов ученого. Среди последних - «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год... с прибавлениями издателя». «Прибавление», написанное В. М., составило 55 страниц. И для медиков это «собрание» представляет интерес: в нем приведено содержание экзамена на право заниматься лекарским делом в годы царствования Михаила Федоровича.

С 1880 года В. М. Флоринский «вступил в официальную роль устроителя Сибирского университета». Через пять лет назначен попечителем Западно-Сибирского учебного округа и оставался в этой должности до конца дней своих. Итогом его административной деятельности стали два крупных события - открытие Томского университета (1888 г.) и закладка здания Томского технологического института (1896г.).

Велика заслуга Флоринского в организации научной библиотеки Томского университета, книжной сокровищницы Сибири, Флоринский передал сюда свою библиотеку медицинской литературы, собранную им на протяжении тридцатилетней

профессорской службы и врачебной практики. В своих заметках, он писал: «Профессор без хорошей библиотеки – это воин без оружия».

Тот, кто идет на поводу только у текущей, хотя бы и научной, журналистики, напоминает щеголя, для которого мода дня - выше всего. Мыслящий профессор должен искать в книге не текущие новости, а новые идеи. Для этой цели старая хорошая книга сплошь и рядом дает больше пищи, нежели современный газетный листок, которым, к сожалению, у нас слишком много увлекаются». С участием Флоринского описывались и систематизировались поступающие в библиотеку книги, им разработана схема классификации медицинской литературы, правила пользования библиотекой университета.

В. М. Флоринский был одним из организаторов в 1889 году Томского общества естествоиспытателей и врачей. Будучи председателем этого общества, он считал себя «нравственно обязанным» знакомить «просвещенных сограждан города Томска» с отчетом годовой деятельности его и предложил речь, но «не ученый трактат, а эскиз общего содержания, беглый очерк из той области знания, служению которой посвящается посильный труд членов общества». Годовое собрание томских врачей и естествоиспытателей прослушало две его речи - «Природа и ее силы» и «Границы человеческой жизни».

Незадолго до кончины ученого в Томской типолитографии П. И. Макушина вышла капитальная монография Флоринского «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни». Автор утверждал, что изученные памятники имеют прямое отношение к древнейшим судьбам славянского народа. Впервые в этой монографии Флоринский обосновывает возможность выделения «национального направления» в археологии. Окончательное решение этого вопроса он оставляет потомкам, так же, как и подготовленные, систематизированные около 5 тысяч предметов старины в археологическом музее при университете.

«Путем к медицинской генетике», называют сегодня очерки Флоринского «Усовершенствование и вырождение человеческого рода», впервые опубликованные в 1865 году, в год открытия Т. Менделем законов наследственности. «Евгеника» известного английского ученого Гальтона и «Гигиена бракосочетания» Флоринского, изложенная в этих очерках, являются разными названиями одного предмета - определения способов улучшения «человеческой породы». У Гальтона преобладают запретительные мероприятия в выборе брачных партнеров с наследственными болезнями в родословных. Флоринский в рекомендациях по гигиене бракосочетания полагается, прежде всего, на прививку населению здорового, «выработанного вкуса» при выборе супругов. Труд этот отдельной книгой переиздан дважды, последний раз – в Вологде в 1926 году. Читателей у этой книги было не много. Поэтому сегодня больше известен «евгеник» Гальтон, чем «евгеник» Флоринский. Но оба в равной степени должны считаться основоположниками этой дисциплины.

В. ПУЗЫРЕВ,

Подвижные науки

\\ Красное знамя.-1994.- 30 марта.- С. 3

Чернощеков Константин Александрович

Известный Томский микробиолог, ассистент кафедры инфекционных болезней и эпидемиологии Сибирского медицинского университета, заслуженный врач Туркменской ССРК. Чернощеков принят в члены Нью - Йоркской академии наук

Это большая честь для любого ученого, и ее не просто заслужить. Правда, торжественного вручения и поздравлений при этом не было - сертификат и прочие документы Чернощеков получил по почте. Для Константина Александровича это стало сюрпризом, так как свои работы ему удавалось публиковать в научной печати и сборниках изредка, да и то с большим трудом. К тому же только на русском языке. Не секрет, что сначала в СССР, а затем и в России коллеги-микробиологи относились и продолжают относиться к его опытам с большой долей скепсиса. По убеждению Чернощекова, именно это помешало ему получить ученую степень.

Чтобы лучше понять, что же так высоко оценили американские ученые и что критикуют наши специалисты, необходимо перенестись на много лет назад. Родился Константин Чернощеков в 1931 году в Куйбышеве (теперь - Самара). В начале пятидесятых с отличием окончил местный военно-медицинский факультет и был направлен для прохождения службы врачом в группу советских войск в Германии. Позже был переведен в Туркменистан, где в 1966 году за большую работу по профилактике различных инфекционных болезней был удостоен звания «Заслуженный врач Туркменской ССР».

Именно в Средней Азии, а затем во время службы в Казахстане он обратил внимание на поразительную регулярность, с которой в самых различных регионах СССР, в отдаленных друг от друга населенных пунктах и воинских частях повторяются опасные эпидемии. Складывалось такое впечатление, словно по какому-то приказу реки, озера и колодцы начинали кишеть болезнетворными микробами, хотя еще вчера опасности заразиться этой водой не было. Так, например, было в Гурьеве, где неожиданно для всех в 1970 году разразилась холера. Военные приняли все меры, чтобы предотвратить дальнейшее распространение ее по стране. Чернощеков был тогда назначен начальником медицинской службы карантина.

Учеными было замечено, что некоторые эпидемии, например, брюшной тиф, «возвращаются» через определенные отрезки времени, обычно осенью. Спустя три года после холеры в Гурьеве произошло событие, которое Константин Александрович считает поворотным в своей судьбе, - он познакомился с работой известного советского ученого А. Чижевского «Земное эхо солнечных бурь», где шла речь о непосредственной связи явлений Космоса с событиями на нашей планете. Идеи эти показались Чернощекову перспективными, и, чтобы проверить их, в восьмидесятые годы он поставил ряд экспериментов. В то время он был переведен в Томск старшим преподавателем кафедры эпидемиологии военно-медицинского факультета. А с 1986 года опыты были продолжены на кафедре инфекционных болезней медицинского университета, где Константин Александрович работает до сих пор. Наверное, здесь не стоит вдаваться в методику исследований, главное - в результате их Чернощеков выяснил, что жизнью микроорганизмов управляет магнитное поле Земли, именно оно влияет на продолжительность жизни микроорганизмов в процессе опытов. Но магнитные бури, порожденные Солнцем, активно влияют и на размножение клеток.

Однако, еще более интересным оказалось другое. Во время геомагнитных возмущений часть микробных клеток популяции может превращаться ... в другие микроорганизмы семейства кишечных. Происходит спонтанная мутация, когда у дочернего микроба полностью меняются его свойства.

Во время опытов Чернощекова с непатогенной кишечной палочкой при высевах водной взвеси кроме данных микробов обнаруживались энтеропатогенные кишечные палочки, способные вызвать кишечные расстройства у людей. А в октябре 1984 года в

одном из флаконов с палочкой, находившемся в аномальном геомагнитном поле на пике большой магнитной бури, образовались миллионы бактерий брюшного тифа! Чернощеков предположил, что «спусковой крючок» эпидемий и мутаций микроорганизмов «нажимает» Космос, Солнце. Нетрудно себе представить, что эти идеи и выводы представителями классической советской микробиологии были приняты в штыки. Тем более, что работы Константина Александровича дают объяснение «спонтанных мутаций» в генетике. Они, оказывается, вовсе и не самопроизвольные, а подчиняются пока плохо понятным нам законам Космоса.

Конечно, данные идеи существовали и до Чижевского, и до Чернощекова, но раньше их не удавалось подтвердить на практике результатами экспериментов. Недаром говорят, что «новое - это хорошо забытое старое».

Игорь ТЮРИН.

НЬЮ-ЙОРКСКАЯ академия приняла в свои ряды Томского микробиолога
\\ Томский вестник.- 1994 .- 30 декабря

Шубин Николай Васильевич

Сегодня исполнилось бы 100 лет блестящему томскому клиницисту, прекрасному педагогу и ученому, профессору Николаю Шубину

Сын сельских учителей из Вятской губернии Николай Шубин после окончания гимназии в пятнадцатом году поступил на медицинский факультет Казанского университета. С четвертого курса студента Шубина мобилизовали для работы в полевых лазаретах, и лишь через год он продолжил учебу, уже на медфаке Томского университета.

Более полувека вся его жизнь была связана с университетом – институтом, вплоть до ухода на пенсию.

Нас, учеников, привлекали его глубокие и разносторонние знания. Они позволили ему, всего-то 33 лет от роду, выпустить учебник "Введение в клинику нервных болезней". Вдумчивый клиницист, Николай Васильевич поражал совершенно необыкновенной интуицией, когда ставил труднейшие диагнозы и блестяще проводил консилиумы. На его обходы и разборы приезжали врачи из города и области. За внешней суровостью и строгостью прятался человек, влюбленный в педагогику. Это был добрый и умный наставник почти девяноста ординаторов, что прошли учебу на кафедре нервных болезней, которой Шубин заведовал.

Круг изучаемых профессором вопросов был весьма широк, а главной темой научного творчества стало изучение клещевого энцефалита. Он дал его детальное описание, изучил различные формы его проявления, хроническое течение, выпустил методические рекомендации и монографию. Ученый блестяще описал клинику кожевниковской эпилепсии при клещевом энцефалите. Он обследовал 96 больных данной патологии, что в то время было одним из самых крупных описаний в мире. Клещевому энцефалиту посвящена и его докторская диссертация.

Благодаря заботам Николая Васильевича в Томске было открыто детское неврологическое отделение, одно из немногих тогда в стране.

В разные годы профессор был деканом, проректором по науке, депутатом горсовета, бессменным председателем Томского научного общества невропатологов и психиатров. Он был скромным человеком и не произносил с трибун громких фраз, о долге, чести, верности. Мы знали его честным, глубоко порядочным и

открытым человеком. Всю жизнь он прожил со своей верной помощницей и женой Марией Николаевной.

Этим летом исполнилось уже десять лет, как Николая Васильевича нет с; нами. Сотрудники кафедры и клиники нервных болезней медуниверситета хранят о нем самые теплые воспоминания. Вечно благодарны ему люди, которым он помог побороть недуг.

Ирина ФЕДОРОВА

Исследователь клещевого энцефалита
\\ Томский вестник .-1994 .- 13 октября.

Яблоков Дмитрий Дмитриевич

Сегодня медицинская общественность Томска, Сибири отмечает 100-летие со

дня рождения выдающегося русского клинициста-терапевта Дмитрия Дмитриевича Яблокова.

УДИВИТЕЛЬНО РЕДКИЙ СЛУЧАЙ, когда высокое официальное признание авторитета человека, вся жизнь которого прошла в беспрестанном подвижническом труде, абсолютно совпадает с оценками окружающих его людей. Академик, Герой труда, лауреат государственных премий, почетный гражданин Томска. А в людской молве просто "доктор Яблоков"! Многим

сибирякам он стал родным в полном смысле этого слова. Кто теперь вспомнит, с какого времени клинику факультетской терапии стали называть "яблоковской"?.. Случайно ли, что многие из выдающихся русских ученых-врачей, принесших славу отечественной медицине, происходили из духовного сословия? Мудров, Павлов, Флоринский, Яблоков... Наверное, нет, ведь столько общего в предназначении священника и врача; самоотверженность, сострадание, бескорыстие, готовность в любой час оказать помощь нуждающемуся.

Дмитрий Яблоков родился 13 ноября 1896 года. Отец, Дмитрий Федорович, преподаватель греческого и русского языков Уфимского духовного училища, умер за день до рождения сына. Дмитрия и его старшего брата Федора воспитывала мать - Елизавета Михайловна, учитель словесности в женской гимназии, позднее начальница Епархиального женского училища в Уфе.

Судя по воспоминаниям Дмитрия Дмитриевича, которыми он делился в последние годы своей жизни с близкими ему людьми, после окончания в 1916 году духовной семинарии он получил благословение на продолжение образования в Духовной академии от епископа Уфимского и Мензелинского Андрея, родного брата великого русского физиолога Алексея Ухтомского. Но к тому времени Дмитрий Яблоков уже сделал выбор: он посвятит себя медицине. Наверное, сказались самые сильные - детские впечатления: "подростком, проводя летние каникулы в селе, наблюдал работу земского врача". Яблоков поступает на Пермское отделение Императорского Петроградского университета. Но учеба оказалась непродолжительной. В водовороте событий гражданской он попадает на воинскую службу, сначала в армию Колчака, затем в Красную Армию. Работает в новосибирском госпитале, откуда в 1920-м его командируют для продолжения образования в Томский университет.

Плодородное зерно попадает в добрую почву! В Томске работает Курлов, третье десятилетие поднимающий сибирскую медицинскую целину... К тому времени у Михаила Георгиевича уже сложилась собственная научная школа, создана первая в Сибири

терапевтическая клиника. После завершения медицинского образования в Томском университете Яблоков стремится скорее уехать в деревню лечить народ. Земский врач, несущий культуру в захолустные уголки России, прекраснее этого нет ничего на свете! Профессор Ломовицкий с трудом уговорил его остаться в ординатуре".

Трудно хотя бы кратко очертить необыкновенно широкий круг научных интересов, с которым связан 70-летний (!) подвижнический труд клинициста-терапевта Д.Яблокова на кафедре факультетской терапии Томского медицинского института. Это был научно-медицинский энциклопедизм старой школы. Его перу принадлежат такие фундаментальные исследования, как "Бронхолегочные кровотечения и кровохаркания в клинике туберкулеза и внутренних болезней", "Клиника силикоза и силикотуберкулеза", "Описторхоз человека", "Избранные главы по частной терапии внутренних болезней", которые до сих пор представляют большую ценность для врачей-практиков и медиков-ученых.

По-своему интересна биография каждой из 14 монографий и сотен научных статей Д. Яблокова. За ними - тысячи историй человеческих болезней - основных документов для создания этих трудов. Бесперывно работая в разных условиях - дома, в клинике, библиотеке, командировках, на сибирских курортах "Аул", "Боровое", "Лебяжье", "Немал", где Яблоков занимался исследованиями комплексного, в том числе и хирургического, лечения больных туберкулезом, он пользовался особой, им самим придуманной, "чемоданной" системой работы. По обыкновленным дорожным чемоданам Яблоков распределял подобранные по определенным темам материалы и собственные рукописи, которые в тот момент были в работе.

Интересно отметить, что Д. Яблоков практически всегда занимался исследованиями, которые отвечали самым актуальным требованиям времени.

- Дмитрий Дмитриевич уникально сочетал в себе таланты ученого, врача, педагога. "Из всех званий ценю звание врача, в нем смысл моей жизни". Это была его крылатая фраза, афоризм, вспоминает заведующий клиникой факультетской терапии СГМУ Борис Троценко.

- У него даже конфликта никогда не случалось между врачебным долгом и личным интересом, - говорит академик РАМН Ростислав Карпов. - Он всегда абсолютно бескорыстно работал и помогал всем нуждающимся.

Многие (даже из близких людей) не понимали, как может этот немолодой, заслуженный доктор, академик, человек, всегда до предела загруженный работой, не знающий отпусков, одинаково откликаться на любые просьбы о врачебной помощи.

"Ночь-полночь, а он идет к одному, второму, третьему больному. Чтобы не беспокоить нас, соседей, Дмитрий Дмитриевич, которому в ту пору было уже за шестьдесят, перелазил через забор, окружавший наш дом, и добирался до больного пешком, - вспоминает Вера Павловна Полковникова, в прошлом ассистент кафедры факультетской терапии. - Как-то раз мы спросили у его супруги: почему Дмитрий Дмитриевич так стремится оказать помощь во что бы то ни стало каждому? Она рассказала: был в его практике случай, когда погиб ребенок, которому он, как опытный фтизиатр, мог помочь, но по какой-то причине не добрался вовремя до места. Это мучило его всю жизнь". Яблоков неизменно следовал завету старой русской терапевтической школы: относиться к больному, как к родному человеку.

В одном из поздних интервью Дмитрий Дмитриевич делился секретами своего долголетия и поразительной работоспособности (над фундаментальным трудом «Избранные главы по частной терапии» академик работал до последних дней жизни). Он говорил: "Всегда много трудился, старался создать вокруг себя здоровый микроклимат, и еще: не шел на компромиссы с совестью". Простые истины, в общем, что тут удивительного?..

Но вот случай из жизни Яблокова... В 1937 году, когда заведующему госпитальными терапевтическими клиниками предстояла защита докторской диссертации о лечении туберкулеза новым эффективным методом - солями золота, неудачно употребленная

фраза в тексте работы стала основанием для публичного обвинения. В феврале 1937 года газета "Красное знамя" сообщала: "Профессор Яблоков, пользуясь фашистской терминологией при защите докторской диссертации, пытался защитить фашистскую расовую теорию". В этой критической обстановке, когда семья со дня на день ждала его ареста, Яблоков возмутился и потребовал от властей снять с него ложное обвинение или освободить от должности. Не побоялись сказать слово в его защиту коллеги, учителя. Смертельная опасность миновала. И только десятилетия спустя близким Яблокова стало известно то, что он знал с самого начала: инициатором обвинения был его коллега. Дмитрий Дмитриевич не только сохранил с ним товарищеские отношения, но впоследствии помог определиться в жизни его детям.

Ученик Яблокова, Ростислав-Карпов вспоминает:

- Дмитрий Дмитриевич никогда не обсуждал с нами вопросы своего отношения к религии. Только как-то в последние годы жизни, в откровенном разговоре пациента и врача, он сказал: "Ростислав Сергеевич, я глубоко верующий человек!" Хотя, в общем, мы понимали, что иначе и быть не может. Его воспитание, образование, сам облик человека, всю жизнь свято следовавшего заповедям христианской морали, достаточно ясно говорили об этом. Дмитрий Дмитриевич считал: "Бога следует искать в себе". И он искал и всей жизнью своей доказал, что искал и... находил.

Простые истины доктора Яблокова, которые по-особому освящены его многолетним, скромным и бескорыстным служением людям.

Олег **ВОРОБЬЕВ**.

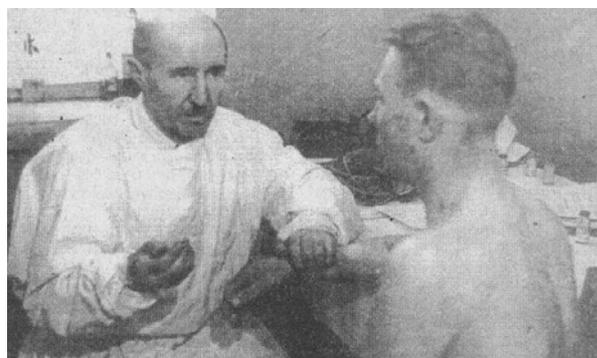
Завещание Яблокова

\\ **Томский вестник**. - 1996. - 13 ноября

Дмитрий Дмитриевич Яблоков относится к той категории крупных деятелей медицины, которые получили достаточное признание при жизни. Он академик АМН СССР, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Государственной премии, почетный гражданин Томска, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР двух созывов, кавалер шести орденов...

Но когда его спрашивали, каким званием он больше всего дорожит, он неизменно отвечал: "Званием врача, в нем смысл моей жизни". Мне посчастливилось знать Д.Д. Яблокова более 45 лет, а 37 лет - общаться с этим удивительным человеком. И я тоже могу сказать: да, наш учитель был известный, весьма продуктивно работающий ученый, блестящий педагог, запоминающийся оратор, но прежде всего это был добрый, высоко порядочный, эрудированный, всегда готовый помочь любому человеку доктор Яблоков.

Сам он с детства мечтал стать земским врачом, поэтому после окончания медицинского факультета принял решение работать на сельском врачебном участке. Убедил его остаться в клинике профессор П. А. Ломовицкий. И с тех пор вся 70-летняя трудовая жизнь Д.Д. Яблокова связана с кафедрой факультетской клиники: от лаборанта рентгеновского кабинета! - до заведующего кафедрой. С 1979 года и до конца жизни он работал профессором кафедры. До своего столетия Дмитрий Дмитриевич не дожил всего три года...

Научную деятельность Д.Д. Яблоков начал одновременно с врачебной. Уже в 1924 году он представил первый научный доклад на заседание Томского общества естествоиспытателей и врачей, посвященный анализу распознавательной ценности реакции Вольф - Юнганса при раковых заболеваниях желудка. А в 1936 году Высшей аттестационной комиссией Наркомздрава ему была присуждена степень кандидата медицинских наук без защиты диссертации: к тому времени он имел 25 научных работ.

При защите докторской диссертации, а она состоялась почти сразу же, 10 февраля 1937 года, не обошлось без печальных курьезов того времени. Диссертация получила высокую оценку в официальных отзывах профессоров П.А. Ломовицкого и Н.А. Вершинина. Однако в дискуссии один из членов ученого совета сделал замечание по поводу обсуждения автором данных зарубежной литературы о влиянии расовых особенностей на результаты хризотерапии. Буквально через неделю в "Красном знамени" появилась статья "Плоды плохого руководства", обвиняющая парторганизацию мединститута и директора Г.И. Розета в притуплении классовой бдительности. "Профессор Яблоков, - писал автор Л. Грачев, - пользуясь фашистской литературой, при защите докторской диссертации пытался защитить фашистскую расовую теорию".

Тем не менее диссертация 11 марта 1938 года была утверждена ВАК - благодаря поддержке известного в Томске коммуниста В.Ф. Федорова, коллег и учителей Дмитрия Дмитриевича.

Круг научных интересов Д.Д. Яблокова был Очень широк и в основном соответствовал традиционным направлениям исследований кафедры факультетской терапевтической клиники. Это гематология, пульмонология, краевая патология (описторхоз, эхинококкоз), лекарственные растения Сибири, курортология, военная травма, история медицины. Всего его перу принадлежит 250 печатных работ, 14 монографий.

Вспоминается, как много он работал в библиотеке, и вообще очень много работал. Неоднократно в совместных командировках приходилось наблюдать, как любое свободное время он использовал для работы с литературой - в поезде, в номере гостиницы, в медицинской библиотеке в Москве. У него была оригинальная "чемоданная" система. Работая над очередной монографией, он одновременно собирал материал к следующей или писал очередную статью в журнал. Материалы при этом распределялись по чемоданам. Один из них он иногда брал с собой в командировку.

Он вообще был очень настойчивым и последовательным человеком. Не только как ученый, но и как врач. Вспоминаете такой случай. В клинику поступил больной с подозрением на лейкоз. Профессор Яблоков высказал предположение о наличии вторичной эозинофильной реакции на почве описторхоза. Тщательные лабораторные исследования не подтверждали данной гипотезы. Но Дмитрий Дмитриевич настойчиво требовал повторных анализов. Были проведены десятки исследований, все-таки один из анализов подтвердил описторхоз. Было назначено соответствующее лечение, проведена успешная дегельминтизация, и пациент выздоровел. Его общение с больными - это была настоящая школа и для аспирантов, и для студентов. Он замечательно владел искусством физикального исследования внутренних органов.

В сложные послевоенные годы, когда обострилась проблема туберкулеза, он сконцентрировал усилия коллектива кафедры на этом важнейшем направлении. В 60-е годы жизнь выдвинула на передний план проблему ревматизма сердца, и Дмитрий Дмитриевич подключает коллектив кафедры к ее решению, заражая нас, тогда молодых врачей, своим энтузиазмом, стремлением использовать все достижения мировой науки. По его инициативе в клинике создается иммунологическая лаборатория. Затем создается радиоизотопная лаборатория, внедряется метод электроимпульсной терапии мерцательной аритмии. Он активно поддерживает развитие хирургии ревматических пороков сердца...

В одной статье, к большому моему сожалению, просто невозможно раскрыть все грани натуры этого удивительного человека. Он относился к тому замечательному поколению нашей интеллигенции, для которого знание мировой и отечественной литературы, культуры было нормой. Сам Дмитрий Дмитриевич владел греческим, французским и немецким языками. Он любил Пушкина и Толстого. А в его рассказах о Париже или Мадриде обязательно упоминались Лувр и Прадо. Он любил классическую музыку и романсы. Сам обладал приятным баритоном и с удовольствием пел в компаниях.

Вскоре после 90-летнего юбилея Дмитрия Дмитриевича спросили: "В чем секрет

вашего долголетия?" Он ответил коротко: "Всегда много трудился, ходил пешком. Никогда не курил. Не шел на компромисс с совестью". Мы как-то мало говорим об этом. "Но ведь чистая совесть, должно быть, действительно одна из главных составляющих здоровья и долголетия. По большому счету - бессмертия. Труды, написанные им, долго еще будут проливать свет на самые сложные клинические случаи. Его ученики воспитывают своих учеников и вкладывают в их сознание те непреходящие ценности, что почерпнули когда-то у Врача, Учителя, Ученого Дмитрия Дмитриевича Яблокова.

Р. КАРПОВ.

Не шел на компромисс с совестью
\\ Красное знамя.- 1996.- 14 ноября.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ваккер, В. «Живой» металл и «закон запаздывания» // Красное знамя.- 1996.- 6 ноября
2. Ваккер, В. Чай знахаря в кабинете ученого // Красное знамя.- 1996.- 21 мая
3. Веснина, Т. Азбука жизни Ольги Блиновой // Томский вестник.- 1995.- 19 октября.- С.4
4. Воробьев, О. Завещание Яблокова // Томский вестник.- 1996.- 13 ноября
5. Воробьев, О. Неиссякаемый профессор // Томский вестник.- 1994.- 3 декабря
6. Воробьев, О. Фиалка «Изаура» - семидесятилетней кафедре // Томский вестник.- 1994.- 26 ноября
7. Гагарин, А., Галанова, Р. Нобелевский лауреат не интересовался политикой // Красное знамя.- 1994.- 15 июня
8. Глазунов, О. опередивший время // Красное знамя.- 1994.- 12 мая
9. Емалеева, И. «Случайные закономерности» Вениамина Волкова // Красное знамя.- 1996.- 24 октября
10. Заплавный, С. «Сибирь меня не забудет» // Красное знамя.- 1991.- 9 апреля.- С.3
11. Казачков, А. Иностранец в русской семье // Томский вестник.- 1996.- 28 июня.- С.15
12. Карпов, Р. Не шел на компромисс с совестью // Красное знамя.- 1996.- 14 ноября
13. Кровельщиков, В. Оставалось жить несколько недель // Красное знамя.- 1994.- 21 июня
14. Лозовский, И. Профессор Баженов – гордость ТГУ // Томский вестник.- 1998.- 9 сентября
15. Нилов, В. История должна стремиться к истине // Томский вестник.- 1993.- 16 июля.- С.6
16. Нилов, В. На улице первого редактора сегодня большой праздник // Томский вестник.- 1995.- 31 января.- С.2-6
17. Подласова, Т. А золотых украшений профессор не дарил // Красное знамя.- 1995.- 25 апреля
18. Пузырев, В. Подвижные науки // Красное знамя.- 1994.- 30 марта.- С.3
19. Струкова, Ю. Тот самый Танзыбаев // Томский вестник.- 1994.- 19 февраля.- С.7
20. Тюрин, И. Нью-Йоркская академия приняла в свои ряды Томского микробиолога // Томский вестник.- 1994.- 30 декабря
21. Федорова, И. Исследователь клещевого энцефалита // Томский вестник.- 1994.- 13 октября

Составители:

Авдеева О. А., библиотекарь
Лобова Е. С., библиотекарь
Скорниченко М. А., библиограф
Белицина В.Г., гл. библиотекарь

МИБС МБ «Северная»

Томск, Иркутский тракт, 80/1

тел. 76-79-28

e-mail: ecology@library.tomsk.ru